АНДРЕЙ ТРОПИКИЙ
ПРОПАВШАЯ В МОСКВЕ

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Пропавшая в Москве

«Андрей Троицкий»
2012

Троицкий А. Б.

Пропавшая в Москве / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», 2012 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-699-55273-3

Он – человек-скала, человек-кремень. Его боготворят сослуживцы из убойного отдела МУРа и до ужаса боятся враги. Преступники уже давно не пытаются его подкупить – все равно взятку не возьмет, да еще и в порошок за это сотрет… Нет, он отнюдь не ангел, не идеальный полицейский. Частенько в работе с нарушителями закона он и сам применяет жесткие и не совсем законные меры. Но при этом он не ищет личной выгоды. В болоте коррупции и лжи он ставит перед собой одну-единственную цель: любой ценой докопаться до истины. Запомните это имя. Его зовут майор Юрий Девяткин… Американка Джейн Майси, сотрудница консалтинговой фирмы, летит в Москву – одна семейная пара попросила ее оказать юридическую помощь в усыновлении ребенка-инвалида из России. Но не успела Джейн приступить к делу, как ее тут же похищают! Поисками американки занимаются опер из МУРа майор Девяткин и адвокат Дмитрий Радченко. Они работают по отдельности, но у них хорошо получается дополнять друг друга…

ISBN 978-5-699-55273-3

© Троицкий А. Б., 2012
© Андрей Троицкий, 2012

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 37
Глава 6 45
Глава 7 52
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Андрей Троицкий
Пропавшая в Москве

Глава 1

Магазин кондитерских изделий «Мечта» не самый большой в Москве, от двери до прилавка всего десяток шагов. Здесь пахло мускатным орехом и ванилью. В отсутствии посетителей скучала, считая время до конца смены, продавщица по имени Ира. Свидание с одним перспективным ухажером назначено на девять вечера.

Смена кончится через час, ровно в восемь. Отсюда до Перово добираться минут тридцать или чуть дольше. Да там еще на автобусе четверть часа, да и автобуса этого ждать долго. Можно опоздать на встречу… Ира не закончила размышления, когда скрипнула дверная пружина.

Порог переступила женщина, одетая в темную куртку. Продавщица вспомнила посетительницу. Ее звали Джейн Майси, она американка, то ли экономист, то ли инженер. Раз в неделю, по пятницам, она покупала здесь свежие пирожные с заварным кремом. Американка хорошо говорила по-русски, с ней приятно перебросится парой слов. Прошлый раз она сказала, что ее командировка продлится еще пару месяцев. Майси поздоровалась и стала разглядывать товар на прилавке. Заметно, что сегодня Джейн не в настроении. Наверняка ей надоела московская погода, когда солнце не показывается неделями. То снег валит, то дождь капает. И нельзя определить, что за время года на дворе: то ли осень, то ли весна.

– Если хотите чего-то особенного, возьмите вот этот торт «Витязь», – сказала Ира. – Темные бисквитные коржи. А внутри вишня в коньячном сиропе. Я не пробовала. Наверное, очень вкусно.

– Спасибо, – кивнула Джейн.

– Если хотите пирожных, лучше взять эти корзиночки. Они совсем свежие. И крем нежирный, приятный.

Лицо Джейн оставалось напряженным, зрачки глаз расширены, будто американка выпила лишнего или не на шутку разволновалась. Она снова оглянулась через плечо, словно хотела убедиться на месте ли машина.

– У меня будут гости, – голос Джейн звучал глухо, будто она простудилась. – Я возьму десяток пирожных и торт. Ну, который вы советовали.

Ирина посмотрела на улицу сквозь большое, во всю стену, стекло витрины. Видны фонари, рассеивающие темноту промозглого вечера. Желтые круги света плывут по мокрому асфальту. У бордюрного камня, впритирку к тротуару, стоит иностранная машина серебристого цвета. Кажется, на ней ездит Джейн. Впереди темная машина, тоже иностранная, неновая, с заметной вмятиной на заднем крыле. Ира подумала, что этот автомобиль только что подъехал, несколько секунд назад его здесь не было.

Она вытащила коробку, сложила в нее пирожные, затем достала из холодильника торт. И снова посмотрела на улицу, машинально отметив, что сзади машины Джейн остановилась «Волга» с какими-то темными мутными стеклами, будто залитыми мазутом. Погасли габаритные огни, но из машины никто не вышел. Ира отметила, что теперь, когда тут припарковали «Волгу», машина Джейн оказалась зажатой с двух сторон. И, пожалуй, ей будет трудно выехать, если водитель «Волги» не подаст назад.

– Погода сегодня плохая, – сказала Ира.

– Да, да, – рассеяно ответила Джейн. – Погода…

Иностранка одета в длинную кожаную куртку в талию. По фигуре этой Джейн не скажешь, что она увлекается пирожными с кремом. Продавщица была посвящена в секрет Джейн.

Трижды в неделю американка посещает фитнес-клуб, где занимается по какой-то продвинутой программе, у нее даже есть личный тренер. Все удовольствия – за счет фирмы, где работает американка.

Ира подумала, что сама с великой радостью посещала бы фитнес-клуб, занималась с личным тренером и ходила в бассейн. Хоть три раза в неделю, хоть каждый день. Но годовой абонемент в клуб стоит немыслимых денег, а на зарплату продавщицы не разгуляешься. С получки Ира может позволить себе как раз то, что ей нужно меньше всего, – пирожные с кремом. Она подумала, что талия незаметно расплылась, потеряла свои прежние очертания. Ира моложе американки лет на пять, а то и на семь, но проигрывает ей по всем статьям.

Получить хорошую прибавку к жалованью можно. Об этом открытым текстом заявил Рафик Геворкян, хозяин кондитерской. Для этого нужно пару раз в неделю ездить в район Капотни, где втайне от семьи Рафик снимает квартиру. Он совсем нежадный мужчина. Ничего не имеет против лишнего веса, который набрала Ира. Даже наоборот, Рафику нравятся блондинки в теле. Но Ира не шлюха, и пусть хозяин зарубит это на своем длинном горбатом носу.

Ира заметила, как дверь приоткрылась, появился невысокий дядька средних лет в расстегнутой спортивной куртке. Козырек кепки надвинут на лоб. Человек вдохнул запах ванили, на его физиономии появилось что-то вроде улыбки. Он наклонился над прилавком, глянул на продавщицу, покосился на Джейн. Затем боком попятился к двери и вышел.

* * *

За рулем, «вольво», остановившегося впереди машины Джейн, сидел мужчина приятной наружности, одетый в серый плащ. Его звали Игорем Сотниковым. Для друзей – просто Сотник. Рядом с ним на пассажирском сиденье, пристегнутая ремнем безопасности, дремала женщина в темной кожаной куртке. Она сладко посапывала, по салону плыл запах сладкого крепленого вина. На заднем сидении устроились два мужчины. Один из них только что заходил в кондитерскую, он откликался на имя Павел или отчество Палыч. Второй – коротко стриженный молодой человек с приплюснутым коротким носом. На запястье левой руки татуировка: олень на фоне восходящего солнца. Значит, малый отбывал тюремный срок на севере. Молодой человек откликался на кличку Сапог.

– Она нас заметила еще на светофоре, – сказал Сотник. – Уже третий раз через плечо обернулась. Надо идти. Как думаешь, Палыч?

– У-гу, – процедил тот сквозь зубы. Удобно расположиться на заднем сидении Палычу мешал пистолет под ремнем брюк. Длинный ствол больно давил на ляжку. И переложить оружие некуда: карманы куртки неглубокие.

Сотник молчал, наблюдая, как к лобовому стеклу липнут крупные снежинки. Через пару секунд они превращались в капли влаги, медленно ползли вниз и пропадали из вида. Зима в Москве не похожа на ту зиму, что он помнил с детства. С высокими снежными сугробами, лютыми ветрами. А весна не похожа на весну. Сотник посмотрел на циферблат часов, потом оглянулся. На остановке дожидаются автобуса мужчина с толстой папкой в руках и женщина в светлом пальто.

Сотник повернулся назад и сказал:

– Ждем еще минуту. И выходим.

* * *

Американка наклонившись над прилавком, заговорила быстро и сбивчиво. Так, что продавщица не сразу поняла смысл сказанного. А поняв, испугалась так, что плечи опустились, а моток веревки вывалился из рук и покатился по полу.

– Тут есть запасной выход? Эти люди, ну, этот мужчина, который только что заходил… Они преследуют меня. Сейчас, когда он тут появился… Я видела за поясом, под брючным ремнем, рукоятку пистолета. Куртка распахнулась и… Посмотрите на машины возле тротуара. Эти люди не дадут мне отсюда уйти.

– Я все видела, – волна страха, накрывшая продавщицу, быстро схлынула. – У вас есть мобильный телефон?

– Он в машине. Все равно милиция не успеет приехать.

– Кто эти люди?

– Не знаю. Выпустите меня через заднюю дверь. Прошу вас…

– Так не пойдет, – покачала головой Ира. Кажется, она уже нашла спасительное, единственно верное решение в этой запутанной и опасной ситуации. – С улицы все видно, каждый ваш шаг, каждое движение. Как только я пущу вас за прилавок к служебной двери, эти люди окажутся сзади дома быстрее нас. А там, на заднем дворе, деваться некуда.

– Что же делать?

– Успокойтесь. Я постараюсь помочь. А насчет этих людей все ясно: они хотят отобрать вашу машину. Поэтому и следят за вами, ждут подходящего момента. Слушайте… Сейчас я выйду в дверь, что у меня за спиной. Бандиты подумают, что я пошла за тортом или за коробкой. Вы останетесь тут, будто ждете моего возвращения. Тем временем я окажусь во дворе. Оттуда незаметно попаду в магазин «Мастерица». Там продают нитки, бисер. А продавщица Зоя – невеста местного участкового милиционера.

– Участкового?

– Ну, милиционера, который главный на этой улице и на двух соседних. Зовут его Никита Сомов. Он после смены всегда торчит у своей Зои. И сейчас он у нее. Я вернусь через две минуты. Никита в милицейской форме и с оружием. Как только бандиты увидят его, сразу же уедут. Он проводит вас до дома. Если надо, вызовет еще милиционеров. Только никуда не уходите.

Продавщица исчезла за служебной дверью. Джейн осталась одна. Ей захотелось оглянуться назад, посмотреть, что происходит на улице, но она не оглянулась.

* * *

Скрипнули петли входной двери, Джейн повернула голову. В магазин вошел молодой человек с коротким перебитым носом и шрамом над верхней губой. Он отступил в сторону, освобождая дорогу другому мужчине, высокому красавцу в сером плаще. Сотник шагнул к Джейн и сказал:

– Простите, что отвлекаю от важного дела. Но в двух кварталах отсюда, на перекрестке, вы поцарапали крыло моей машины. И даже не заметили этого. Или сделали вид, что не заметили. Не хотите взглянуть? Ну, на повреждения.

– Я жду продавщицу, – ответила Джейн, удивившись, как ровно и спокойно звучит ее голос. – Сейчас она вернется. Я расплачусь. А потом мы вместе посмотрим царапину.

– У меня нет времени ждать.

Мужчина схватил ее запястье. Джейн попыталась вырвать руку из его клешней, но ничего не получилось. Отступив на полшага, она, размахнувшись, ударила нападавшего сумочкой в грудь. Она хотела закричать, но подумала, что это лишь напрасная трата сил. На улице нет пешеходов, а если бы и были, не услышали криков. И в магазине никого, только она и двое бандитов. Джейн дернула плечом, освободила руку. Она, плохо соображая, что делает, рванулась к двери, наткнулась на молодого человека. Тот коротко размахнулся, ударил Джейн открытой ладонью по лицу. Попал в верхнюю челюсть, под нос. И снова ударил, в то же место, но уже слабее, без замаха.

На пару секунд Джейн ослепла от боли. Почувствовала, что прикусила язык. А носом пошла кровь. Горячие капли, защекотали губы, стекая на подбородок. Во рту появился солоновато-сладкий вкус, в ушах зазвенело. Сквозь этот звон слышен хриплый шепот:

– Молчи, тварь, иначе сдохнешь.

Кто-то вывернул до хруста правую руку, дернул ее с такой силой, что Джейн едва устояла на ногах. От боли на глаза навернулись слезы. Сумочка выскользнула из рук и повисла на длинном ремешке. Джейн потащили к двери. На секунду она почувствовала себя легкой, почти невесомой. Ноги оторвались от пола. Она не могла оказать сопротивления своим врагам, только успела выставить ногу, во что-то упереться. Схватилась пальцами за ручку двери. Сломался, отлетел лакированный каблук туфли. Джейн застряла в дверях, словно пробка в горлышке бутылки.

– Помогите, – вместо крика из груди вышел жалкий мышиный писк. – Люди… Отстаньте, не трогайте меня. Заберите ключи от машины. Только отпустите.

Еще секунда – и ее выволокут наружу. Слезы лились из глаз, и в этих слезах тонул окружающий мир.

– Ни с места.

Это был незнакомый мужской голос, громкий и твердый. Джейн повернула голову, сквозь пелену слез увидела темный силуэт человеческой фигуры. Мужчина был в серо-голубой милицейской форме, он стоял по ту сторону прилавка. Рядом с милиционером оказалась продавщица. Значит…

– Стоять, – повторил милиционер. – Поднять лапы. Иначе стреляю…

И он действительно выстрелит. Но выстрел почему-то раздался где-то совсем близко, у самого уха. За ним еще один хлопок и еще… Поплыл запах горелого пороха. Кто-то снова ударил Джейн ладонью в лицо. Она повисла на руках бандита, перестав понимать, что происходит вокруг. Только услышала, как на плитки пола посыпалось битое стекло.

– Убили, убили…

Это закричала продавщица. Джейн чувствовала, как ее вытолкнули из магазина в предбанник, тесное пространство между двух дверей. Потащили дальше по ступенькам, по тротуару. Она постаралась поджать под себя ноги, но из этого фокуса ничего не вышло. Ее тащили к машине легко, будто тряпичную куклу.

– Помогите, – собрав последние силы, закричала она. – Люди…

Она увидела благообразного мужчину: очки, стриженая бородка с проседью. Он стоял неподвижно, то ли не знал, что делать, то ли сам испугался почти до обморока. Прижимал к груди кожаную папку, таращил глаза и топтался на месте. Чуть поодаль, замерла в испуге женщина в светлом пальто. Встретившись взглядом с Джейн, она отступила с освещенного тротуара в темноту и отвернулась.

Через пару секунд Джейн засунули на заднее сидение машины. Слева сел мужчина в кепке, справа навалился плечом молодой человек. С плеча сорвали сумочку на длинном ремешке. На запястьях сомкнулись стальные браслеты наручников. За руль сел тот мужчина в сером плаще, машина сорвалась с места и, свернув с улицы, помчалась в темноту глухих переулков.

Здесь и в хорошую погоду человека не увидишь, а сейчас, кажется, что весь город вымер. Джейн пыталась вытереть окровавленный рот о кожаную куртку или шарфик, обмотанный вокруг шеи. Но кровь не успокаивалась. Молодой человек обшарил карманы Джейн, выудив ключи от машины и кошелек. Он что-то говорил ей в самое ухо, но от волнения Джейн перестала понимать русскую речь. Она дико вращала глазами и повторяла, адресуя слова неизвестно кому:

– Пусти меня, пусти… Гад… Пусти…

Ее никто не слушал. Машина, петляла по переулкам, но погони не было. Кто-то включил в салоне верхний свет. Стало видно, как мужчина в кепке роется в ее сумочке, перебирая содержимое. Ключи от квартиры, документы, фотографии ребенка… Только сейчас Джейн увидела, что на переднем сидении рядом с водителем находится женщина. Пристегнутая ремнем к сиденью, она дремала, свесив голову на грудь. То ли она была пьяна, то ли нездорова. На женщине темная кожаная куртка, легкий шарфик вокруг шеи. Голова не покрыта, прическа вроде той, что у Джейн, цвет волос тот же.

* * *

Машина выехала на освещенную улицу. Притормозила в сотне метров от кафе или ресторана. У освещенного подъезда стоял швейцар в форменном пальто с золотыми погонами. На голове фуражка с красным верхом. Швейцар скучал, потому что посетителей не видно.

Распахнулась правая передняя дверца, щелкнул замок пристяжного ремня. Женщину, сидевшую впереди, вытолкнули из салона на мостовую. Завизжали тормоза машины, идущей сзади. Это водитель вовремя заметил женщину на мостовой. Сотник, обернувшись назад, кивнул молодому человеку. Тот, ухватив Джейн за шею свой железной лапой, стал толкать голову вниз. Ясно: бандиты хотят, чтобы она наклонилась, не увидела дороги.

Через четверть часа машина остановилась в темном дворе, Джейн вытащили с заднего сидения и пересадили в другой автомобиль. Двор был пустым, одинокий фонарь освещал высокое дерево и баки с отбросами, над которыми висела неестественно большая желтая луна. Это все, что успела увидеть Джейн. Через несколько мгновений она оказалась на заднем сидении другой машины. Все тот же молодой парень с татуировкой на запястье освободил ее от наручников, поднял кверху рукав куртки. Мужчина в сером плаще, пересевший назад, вытащил шприц, наполненной какой-то жидкостью и сказал:

– Не дергайся, дура. Я же иглу сломаю. И все придется начинать сначала.

Джейн почувствовала болезненный укол. Через минуту она прекратила сопротивляться. Мышцы наполнило приятное расслабляющее тепло. Непроглядная темнота вечера окружила Джейн со всех сторон, пленница провалилась в этот мрак и потерялась в нем.

* * *

Продавщица очнулась. Она увидела смятую коробку из-под торта «Витязь». Сам торт, упав с прилавка по пол, развалился на куски, испачкав волосы и лицо продавщицы. Ира машинально облизала губы и подумала, что крем невкусный. А вишни из торта не пропитывают коньяком, как написали на коробке. Это обычные вишенки из консервированного компота.

Ира попыталась приподняться, оттолкнувшись от пола ладонями, но почему-то не смогла встать. Она подумала, что совсем не чувствует ног, во всем теле слабость, голова кружится. Только теперь она увидела лицо лейтенанта Никиты Сомова, перепачканное вишневым джемом. Лейтенант, широко раскрыв глаза, смотрел куда-то в потолок, будто увидел там что-то интересное. У стены лежала слетевшая с головы фуражка. Ира с запозданием поняла, что вишневый джем – это кровь Сомова.

Где-то поблизости слышались человеческие голоса. Сквозь распахнутую дверь сюда влетали порывы холодного ветра. Наверное возле кондитерской стали собираться праздные зеваки. Они топчутся снаружи, но войти в помещение боятся. Ира услышала тонкий мальчишеский голос:

– Милиция. Милиция едет…

Тут все звуки исчезли, и через мгновение снова появились. На этот раз Ира слышала сирены милицейской машины. Звук становился все ближе. Ира выставила вперед руки. И стала

смотреть на ладони, покрытые чем-то липким, то ли вареньем, то ли кремом. С усилием она перевернулась с живота на бок. И почувствовала острую боль в области груди и живота. В голове зашумело, почему-то не стало хватать воздуха для дыхания. Из горла вышел тихий сдавленный хрип. Ира закрыла глаза от страха, она почувствовала, что захлебывается горячей кровью, вдруг хлынувшей изо рта.

* * *

Сообщение о перестрелке и похищении человека поступило в Главное управление внутренних дел Москвы в начале девятого. Дежурная группа в составе старшего следователя уголовного розыска майора милиции Юрия Девяткина, эксперта криминалиста, четырех оперативников в штатском и кинолога со служебно-розыскной собакой прибыла на место ровно в восемь сорок.

К этому времени на месте находились офицеры милиции из межрайонного управления внутренних дел и местного отделения милиции. Вскоре приехал следователь московской прокуратуры, который привез своих экспертов. Народу в кондитерскую набилось столько, что трудно было протолкнуться к прилавку. Поэтому Девяткин решил провести опрос свидетелей в соседнем магазине «Мастерица». На счастье милицейская машина, совершавшая патрулирование района, прибыла на место происшествие спустя пару минут после того, как смолкли выстрелы. Поэтому свидетели не успели разбежаться кто куда.

Девяткин устроился в тесном кабинете хозяина магазина. Здесь едва хватало места для крошечного стола, двух стульев и огромного несгораемого сейфа. Девяткин причесался перед зеркалом, поправил галстук и остался доволен собой. В новом костюме он выглядит представительно. На сердце было спокойно. В эту минуту казалось, что раскрутить это дело будет так же просто, как расколоть орех. Сил и сообразительности требуется совсем немного. Девяткин вызвал продавщицу магазина «Мастерица» Петрову, чей жених, лейтенант милиции Сомов, двадцати семи лет от роду, погиб в перестрелке с бандитами. Усадил женщину на мягкий стул, Девяткин включил настольную лампу и вытащил из портфеля бланк допроса свидетеля.

Тут выяснилось, что Петрова не может говорить, из ее груди вырывались стоны и рыдания. Девяткин успокаивал женщину четверть часа, но выжал из нее только те сведения, которые известны со слов местных милиционеров. В магазин «Мастерица» примчалась продавщица из кондитерской «Мечта», попросила Сомова пройти с ней. Якобы, на посетительницу, иностранку по имени Джейн Майси, пытаются напасть бандиты. Сомов молча встал и пошел, на ходу расстегнув кобуру пистолета. Через несколько секунд раздались выстрелы.

– Идите, девушка, – сказал Девяткин продавщице. – И постарайтесь успокоиться. Хотя… Какое уж тут спокойствие.

Он вызвал оперативника Сашу Лебедева, огромного мордастого парня, который брал все призы не ведомственных соревнованиях по классической борьбе. Пару дней назад Лебедев вернулся с очередных спортивных сборов, поэтому на его физиономии красовалась пара живописных синяков, левый глаз заплыл и закрылся. А на шее появились синеватые отметины, будто старшего лейтенанта долго, но безуспешно душили бельевой веревкой.

– Отведешь свидетеля к машине «скорой», – Девяткин кивнул на продавщицу. – Пусть ей сделают инъекцию успокоительного.

Продавщица подняла взгляд на Лебедева, вгляделась в его лицо. И заплакала еще горше, еще безутешней.

За женщиной в кабинете появился невысокий плотный мужчина лет пятидесяти с гаком. Звали его Константин Зобов. В свое время он служил в милиции. Работал с трудными подростками, пока кто-то из парней не ткнул своего наставника ножом в живот. По карьерной

лестнице Зобов далеко не продвинулся. В свое время окончил милицейскую школу, а с таким образованием даже о погонах майора нечего мечтать. Два года назад Зобов ушел в отставку.

– Ни черта я не видел, – сказал он. – В моей «Волге» зажигание барахлит. Я остановил машину, вышел и купил сигает в киоске напротив. Снова сел в машину, а двигатель не заводится. Случайно глянул на тротуар, а там мужики какую-то бабу тащат. Я подумал, она пьяная. И больше в ту сторону не смотрел.

Девяткин, разочарованный результатом допроса, отпустил Зобова. В кабинете появилась миловидная женщина лет сорока по имени Инга Костина. Гражданка второй день ездит общественным транспортом, потому что ее машина в ремонте. Она ждала автобуса на остановке, когда на улице появились какие-то люди. Костина решила, что это местные пьянчужки выясняют отношения. И отвернулась, потому что такие сцены вызывает в ее душе отвращение и брезгливость. Только потом узнала, что похитили женщину.

Девяткин заполнил протокол и попросил Костину расписаться.

– Вы только учтите: мой муж – депутат Государственной думы от правящей партии, – сказала Костина. – Если вы надумаете присылать мне повестки на допросы или таскать по кабинетам… Тем хуже для вас. Вы в каком звании?

– Майор.

– Если станете вести себя… Ну, вы знаете как: неэтично, вызывающе. То быстро превратитесь в капитана. А то и в лейтенанта. Будете регулировать движение, махать палкой на улице. Поняли меня?

– Понял, спасибо что предупредили, – кивнул Девяткин. – Но пока я не разжалован в лейтенанты и не стою на перекрестке, вот вам повестка. На понедельник, на девять утра. Адрес МУРа знают все: Петровка, дом тридцать восемь. Всех вам благ. И большой привет мужу. Не вздумайте опоздать, иначе оформлю принудительный привод. Вас доставят на допрос в наручниках.

– Вы об этом пожалеете.

Сверкнув глазами, женщина поднялась и выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью.

* * *

Последним свидетелем оказался преподаватель истории одного из московских институтов Павел Моисеевич Шумский. Он тоже почти ничего не видел, выстрелов не слышал.

– У меня хорошая зрительная память, – сказал профессор. – Но тут я стоял слишком далеко от этой кондитерской. Да, женщину я разглядел. Темная кожаная куртка, на шее красный шарфик. Я еще подумал: такая на вид приличная дама. И напилась, как сапожник. А вот на мужчин как-то не обратил внимания. И на машину, на которой они уехали, не посмотрел. Кстати, не могли бы вы погасить свою сигарету? Не выношу табака.

Девяткин огорчился до глубины души, когда сообщили, что все следы, которые могли оставить преступники в магазине, затоптали любопытные граждане и сами милиционеры. Розыскная собака довела проводника только до кромки тротуара, подняла морду и завыла на темное небо. Для эксперта работы нет: потому что отсутствует хоть какой-то материал для анализа.

Вскоре в кабинет ввалился старший лейтенант Лебедев и сообщил, что бандиты выбросили Джейн Майси из машины и скрылись. Все произошло полчаса назад у ресторана «Светоч». Администрация заведения вызвала «скорую», пострадавшую доставили в больницу с диагнозом сотрясение мозга, перелом правого предплечья и множественными гематомами. И еще что-то, по мелочи. Врач сказал, что пару дней ее продержат в палате интенсивной терапии, затем переведут в общую палату.

– Это наша подопечная? – спросил Девяткин. – Не другая женщина?

– Наша, – кивнул старлей. – Тут двух мнений быть не может. Бумажник при ней. В нем документы, права. И описание внешности и одежды полностью совпадает.

– Так-так, – Девяткин потер ладони. Неплохо. Полоса беспросветного мрака кончилась, в конце тоннеля появился свет. Что еще говорят врачи?

– Что ее жизни ничего не угрожает. Если не считать…

– Чего еще не считать?

– Ну, в крови значительный процент алкоголя. Выходит, ее похитили чтобы… Даже не знаю. Вином напоить.

– Возможно, у нее банкет был на службе, – покачал головой Девяткин. – Или застолье в ресторане. Мы должны обеспечить охрану американки в больнице, а не острить тупым концом. Надо, чтобы наши парни в штатском посменно днем и ночью дежурили у палаты.

– И все-таки: зачем похитили Майси? – упорствовал Лебедев. – Ее машина цела. Деньги и кредитные карточки в бумажнике.

– Ты не первый год работаешь в МУРе. И должен знать, что иногда похищают или убивают не того человека, которого заказали. Бандиты совершают ошибки. Скорее всего, так вышло и на этот раз. Они прихватили женщину, а тут началась стрельба. Все решалось в доли секунды. Американку сунули в машину, там проверили ее документы. Убедились, что это не тот человек. И вытолкали ее из салона. К тебе несколько поручений. Хорошенько разузнай, что за личность наша свидетельница Инга Костина. Что она делала в этом районе в такое время. И в такую погоду. Ясно: у нее было срочное дело. Какое?

– Еще что-нибудь?

– Шумский врет – это ясно. Он наверняка запомнил лица похитителей. Узнай, о нем все, что сможешь. Он профессор каких-то умных наук и весь из себя такой заслуженный. Но пятна бывают даже на солнце. А уж про Шумского и говорить не стоит. Усек, что мне надо? Кстати, что слышно насчет машины похитителей?

– В районе улицы Машиностроения, во дворе одного из домов горит «вольво». Кажется, наш и есть.

Девяткин хмыкнул и прикурил новую сигарету. Надо же, та самая Джейн Майси, с которой он свел знакомство около года назад. В ту пору она влипла в неприятную историю, но до похищения тогда дело не дошло. Майси поклялась больше не приезжать в Россию, потому что ей здесь, мягко говоря, не очень везет. И вот вдруг объявилась…

Он сложил в портфель бумаги и решил, что лучший способ раскрыть преступление: подождать немного. Джейн должна подробно описать внешность преступников, она наверняка видела какие-то характерные приметы: татуировки, родинки, слышала их разговоры.

Глава 2

Некоторое время назад

Начальник колонии строгого режима подполковник Яков Горобец снял трубку телефона внутренней связи и приказал доставить в подвальный следственный кабинет заключенного Сотникова. Дожидаясь, когда выполнят приказ, он поднялся из-за стола и встал у окна.

– Мы спешим.

Это подал голос прибывший из Москвы полковник ФСБ Николай Лихно, и постучал ногтем по стеклу наручных часов. Внешность полковника непримечательная. Высокий сухопарый человек с вытянутым лицом, заметной сединой и высокими лобными залысинами. В серых глазах застыла грусть.

– Поторопить нельзя? А то смеркается уже.

– Никак нет, – ответил Горобец. – Послали нарочного. Минут через двадцать Сотников будет здесь, но не раньше. Его отряд в дальнем конце зоны. Почти через всю территорию надо бегом бежать.

Лихно вытащил новую сигарету. Другой товарищ из Москвы капитан ФСБ Игорь Куприн поднес начальнику огоньку и сказал бодрым голосом:

– Ничего, обратно быстро доедем. Ночью дорога свободна.

Куприн полез в портфель, вытащил дорожный атлас и от нечего делать долго водил пальцем по бумаге. Что-то вычисляя, он беззвучно шевелил губами. Этот малый был полной противоположностью своего начальника. Крепко сбитый, с широкими плечами и фигурой спортсмена, на вид лет тридцать с небольшим. Приятное лицо, ровные зубы, яркие васильковые глаза.

На памяти Горобца офицеры контрразведки появлялись в колонии только дважды. Один раз, когда сюда по ошибке прислали с этапом настоящего предателя родины, осужденного за шпионаж в пользу одной из западных стран. Вскоре того шпиона забрали и увезли неизвестно куда. И вот сегодня второй случай. Природное любопытство терзало душу Горобца, на языке вертелись разные вопросы. Но спрашивать московских офицеров, на кой черт им понадобился Сотников, неэтично. Тем более начальник колонии уже читал документы, согласно которым Сотников нужен в Москве для проверки и закрепления на месте обстоятельств убийства некой гражданки Шмаковой. Как явствует из бумаг, уборщицы из закусочной «Вечерние огни», бездетной вдовы, пятидесяти восьми лет от роду.

Кого подозревают в убийстве? И каковы его мотивы? Неприязненные отношения, ревность… Об этом в документах ни слова. Главное, какое отношение к этому происшествию имеет заключенный номер четыреста семь? О том что именно Сотник, крутой парень, по слухам заваливший четырех известных московских гангстеров, имевший связи в высоких кругах преступного мира, грохнул какую-то жалкую уборщицу из закусочной… Нет, об этом и речи быть не могло. Вот если бы он в припадке ревности задушил королеву красоты, с которой делил постель. Ну, в такое еще можно поверить. Пусть с трудом, но можно.

И, тем не менее, в документах упоминалась лишь Шмакова. Бумаги были заверены в областной прокуратуре и Главном управлении исполнения наказаний. Согласно распоряжению заместителя начальника ГУИН, Сотников поступает в полное распоряжение контрразведчиков. Чекисты за него отвечают и вернут заключенного в колонию по окончании следственных действий. Все вроде понятно. И все же… Но какое отношение гражданка Шмакова имеет к государственной безопасности страны? Эта уборщица, она что, шпионка? Или любовница шпиона? А Сотников ее…

– Это Шмакова, она кто? – сорвалось с губ помимо воли. – Не родственница Сотнику будет?

– Позвольте оставить вопрос без ответа, – мрачно покачал головой Лихно. – Все материалы по этому делу засекречены.

– Понимаю, понимаю, – вздохнул Горобец.

Он снова отвернулся к окну. Перед зданием административного корпуса – плац, похожий на футбольное поле. Здесь проходит утренняя и вечерняя перекличка заключенных. Горобец поправил сам себя: пожалуй, плац, побольше футбольного поля. Зона здесь немаленькая, на четыре с половиной тысячи заключенных. Зековскую братию, одетую в черные бушлаты и фуфайки, дважды в день, и в холод и в жару, строят на плацу для переклички, – места едва хватает. Если смотреть из окна на массу людей, освещенную прожекторами, на душе без всякой причины становится тревожно и муторно.

– Как у него по линии поведения? – спросил Лихно. – Замечания есть?

– Он злостный нарушитель режима, – ответил Горобец. – Человек, который не встал и не встанет на путь исправления. На работы не выходит. За что не раз сидел в карцере и штрафном изоляторе. Числятся на нем и другие подвиги.

Горобец подумал, что не стоит рассказывать московским гостям о том, что неделю назад Сотник ударил контролера табуретом. Это мелочи. И о том, что арматурным прутом сломал товарищу по отряду обе руки, – тоже не надо. Чего доброго подумают, что начальство плохо ведет воспитательную работу среди зеков. Да и за свой проступок Сотник неделю отсидел в холодном кандее.

– Здесь, в колонии, за ним ничего серьезного не числится, – подвел итог Горобец. – По неофициальной информации он убийца, хотя осужден не по мокрой статье. А у нас убийцы никогда не были в авторитете. Среди воровского контингента он вроде белой вороны. Сам Сотник в душе презирает блатных, их обычаев и традиций не принимает. Потому что сам не из воров. За глаза называет их синяками и алкашами. Он даже по фене не ботает.

Он замолчал и подумал, что в столовой заканчивается ужин. Сегодня дают щи из сушеной крапивы и перловки, второе блюдо – мятая картошка или макароны с просроченным сроком годности. Но после тяжелой работы на строительстве моста через речку, где заняты зэки, и эта несъедобная дрянь в горло проскакивает только так, с присвистом. Еще Горобец подумал, как это часто с ним бывало в минуты меланхолии, что офицеры ФСБ и убийца Сотников скоро укатят в Москву. Промчатся через весь город по ночным проспектам к известному комплексу зданий на Лубянке, а он останется здесь. Станет глядеть на все тот же плац, зэков, марширующих по грязи, гнилые бараки. И еще трубу котельной, пускающую в небо зловонный дым. От тоски хоть на стенку лезь, даже водка не помогает.

Зазвонил телефон внутренней связи. Горобец схватил трубку:

– Можно спускаться, – выпалил он. – Сотников доставлен.

* * *

Когда лязгнул засов, дверь следственного кабинета открылась, на пороге возник высокий мужчина лет сорока, одетый в черные штаны и такую же черную робу, на груди которой пришит белый прямоугольник с номером. На коленях черных штанов тот же номер четыреста семь, вытравленный известью. Заключенный сорвал с головы шапку с козырьком, вытянулся в струнку, замер. Уставившись в дальний угол кабинета, гаркнул:

– Заключенный Сотников, номер четыреста семь, девятый отряд, осужден по статьям…

– Отставить, – махнул рукой Лихно. – Присаживайся.

Лихно занял место за письменным столом, привинченным к полу. Раскрыл пачку сигарет и закурил. Капитан устроился возле стены на стуле. Над дверью горела лампа, забранная в решетку, этот свет отражался в васильковых глазах Куприна.

– Я вас представлял немного другим, – сказал капитан. – Ну, поплотнее. Вы не больны?

– Здоров. Но на здешних харчах веса не нагуляешь, гражданин начальник, – ответил Сотников.

– Да, да… Понимаю.

Сотников елозил на табурете, удивляясь, с чего бы это капитан так вежлив и любезен, и на кой черт нужны эти реверансы. Они не в институте изящных манер. Они в следственном кабинете, где многое напоминает о вчерашнем допросе, точнее истязаниях, одного бедолаги. Вся вина которого в том, что он не успел снять шапку при приближении контролера, как того требуют правила внутреннего распорядка. Пол в темном углу в пятнах запекшийся крови, и бурые подтеки на стенах еще не смыли.

Лихно показал пальцем на пачку дорогих сигарет:

– Кури.

Пристрастившийся в тюрьме к табаку, Сотников вытащил сигарету, опасаясь какого-то подвоха. Вот сейчас старший встанет и съездит кулаком по морде. Или тот, что помоложе, зайдет сзади, накинет на шею обрывок бельевой веревки. Сведет концы. И с такой силой рванет на себя, что Сотников не усидит на месте. Плюнув кровью, полетит на бетонный пол…

– Спасибо за угощение, гражданин начальник, – Сотников держался наготове. Ему не впервой терпеть побои, карцер. Он взял сигарету, тут щелкнула зажигалка, – это Куприн дал огоньку.

– Как тут в колонии, не обижают? – спросил капитан. – Письма от сестры не задерживают?

– Не жалуюсь. Работает почта.

Сотников с тоской смотрел на оконце под потолком. И думал, что разговаривает не с ментами, это стало ясно с первого же слова, с первого взгляда. У Сотника хороший вкус, он за версту видит дорогие фирменные шмотки, чует запах французского одеколона. Он прожил жизнь в столице, рядом с людьми, у которых денег больше, чем грязи под ногами. Сотников бывал в Европе. И кое-что на своем веку успел посмотреть.

Впрочем, одеколонный запах и прочая ерунда к делу отношения не имеет. Сотник определял цену человека по двум критериям. Сразу смотрел, какие часы на руке, и какие туфли на ногах. Менты в глаза не видели настоящих швейцарских часов. И не могли себе позволить пары шикарных итальянских ботинок. Да и костюмы этих парней – не на барахолке куплены.

Полковник Лихно, словно угадав мысли Сотника, представился по имени и отчеству. И добавил, что служит он в контрразведке в звании полковника. Лишнего времени на разговоры сейчас нет. Поэтому беседа, а это именно беседа, а не допрос с протоколом, будет проходить быстро, в телеграфном стиле. Он перелистал дело Сотникова, лежавшее на столе, и сказал:

– Ты служил в десанте. После демобилизации вернулся домой, устроился в частное охранное агентство. Проработал там около двух лет. Однажды во время ужина в ресторане повздорил с товарищем по работе. После этой ссоры твой напарник месяц отдыхал в больнице. Из сыщиков тебя турнули, спасибо под суд не отдали. Ты устроился могильщиком на кладбище. Познакомился с парнями из атлетического клуба «Феникс». Собственно, с этого знакомства начинается твоя криминальная карьера. Давно это было…

– Давно, – кивнул Сотник. – Иногда кажется, что и не со мной.

Он раздавил окурок в пепельнице, привинченной к столу, и подумал, что фээсбэшник шпарит без бумажки, на память помнит биографию. Лихно продолжал бесцветным тихим голосом. Он сказал, что почти всю свою сознательную жизнь Игорь прожил за бандитским авторитетом по имени Леонид Батыров, он же Батыр. В молодые годы Батыр был обычным бандитом, который утюжил торговцев, обкладывал данью магазины и рестораны. Он должен был погибнуть в бандитских разборках, как большинство крутых парней того времени. Но остался жив. Мало того, он бросил мелочовку и взялся за доходный бизнес. Точнее, занялся силовым захватом предприятий или торговых фирм, приносивших хороший доход. Хозяева этих лавочек умирали насильственной смертью, а Батыр богател.

– Понравилась ему, например, посредническая компания по торговле нефтепродуктами «Оникс-плюс». Вскоре генерального директора, некоего Корзина выбросили из окна собственного кабинета. С семнадцатого этажа. А? Каково ему? Наверное, высоко падать?

– Кто высоко забирается, тому и падать больно, – усмехнулся Сотник.

– Заместителя Корзина изрешетили из автомата. После чего председатель правления компании уступил бизнес Батырову по смехотворно низкой цене. Или вот история. Батыров положил взгляд на страховую компанию «Лидер» Это семейный бизнес, акции не торговались на бирже. Договориться по-хорошему не удалось. Короче, что случилось с этой семьей, и какой смертью умер владелец банка, его жена и взрослый сын, ты знаешь лучше моего.

– Мне это дело не пришьете, – отозвался Сотник. И подумал, что чекисты – твари. От них жди только подлянки. – Оно слишком старое и тухлое, это дело.

– Мы не шьем дела, – коротко ответил Лихно и продолжил.

Все силовые акции по устранению конкурентов проходили под руководством и при участии Сотникова, которой стал правой рукой Батырова. Хозяин тяготел к банковскому делу. Со временем он превратился из бандита в уважаемого бизнесмена, отстирал кровавые деньги, накупил недвижимости в России и за границей. Но, если возникали проблемы, по-прежнему решал их старыми недипломатическими методами. Городских, муниципальных чиновников или ментов Барыр покупал пачками и коробками. Как овощи на оптовом рынке. Поэтому все сходило с рук.

За хозяином и у Сотника жизнь текла, как ручеек по гладким камушкам. Уголовные дела против него в общей сложности были пять раз, но ни одно из них не дошло до суда. Стараниями адвокатов все были развалены на стадии следствия. Неизвестно куда исчезали потерпевшие. Свидетели теряли память. Доказательная база превращалась в пыль. Наконец стараниями следственного комитета Внутренних дел, Сотника все же определили на зону. Удалось доказать всего один эпизод его криминальной биографии. Судьи переквалифицировали статью: вместо заказного убийства Игорь получил срок за нанесение телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. Шесть лет, из которых три уже позади.

– Хозяин помнил о тебе, – бесцветным голосом продолжал Лихно. – В тюрьме не было проблем с деньгами. Насколько я знаю, уже здесь, на зоне, в бараке личных свиданий тебе устраивали встречи с проститутками из Москвы. Но пару дней назад лафа кончилась. Вот полюбуйся.

Лихно положил на стол большой плотный конверт. И пока Сотник разглядывал фотографии, продолжал:

– Бронированный «Мерседес» твоего хозяина и сопровождавший его «Шеви Сабурбан», набитый охранниками, были расстреляны в сорока километрах от Москвы. В тот момент, когда машины съехали с Минского шоссе, дорогу перегородила груженая кирпичом фура. В автомобили Батыра выпустили заряды противотанковых гранатометов. Тех, кто остался в живых после взрывов, расстреляли. Убийц, разумеется, задержать не удалось. И свидетелей, само собой, нет. В то же самое время в Москве, в разных местах города, погибли двое ближайших друзей и помощников Батырова.

– Вы что ли постарались? – усмехнулся Сотник.

Он смотрел на фото, разглядывая лицо Батырова, залитое кровью. Хозяин в бежевой шерстяной куртке лежал на асфальте, широко расставив ноги. Ботинок слетел с левой ноги. Пулей вырвало часть нижней челюсти. Не меньше семи пуль попали в грудь и живот. Чуть поодаль в луже крови плавал человек с оторванной ногой, на заднем плане сгоревшая машина охраны. Сработано профессионально, Батыру и его людям не дали ни единого шанса.

– У Батыра было много врагов, – уклончиво ответил Лихно. – На зоне ты без его поддержки, без его денег, долго не проживешь. Здесь много воров старой закалки. Они не любят таких как ты: жестоких убийц, беспредельщиков. Кроме того, новым этапом сюда переводят

некоего Могилевского по кличке Могила. И пяток людей из его бригады. Помнишь этого парня? У вас давние счеты. Как-нибудь поутру ты проснешься под шконкой со сломанной шеей. Или с отрезанной головой. Которую найдешь в тумбочке.

– Посмотрим еще, кто из нас проснется без головы, – Сотник выплюнул окурок и растоптал его башмаком. – Я или он.

– Сейчас оформят документы, – сказал долго хранивший молчание Куприн. – И мы заберем тебя с собой. Тюремная эпопея кончилась. Если будешь умным мальчиком, обратно уже не вернешься. Начнется человеческая жизнь, а не животное существование заключенного. Что ты думаешь по этому поводу? Ну, соскучился по свободе?

Фотографии выскользнули из рук Сотника и посыпались на бетонный пол.

* * *

Перекусив на кухне бутербродами, Сотник вернулся в комнату, сел в кресло напротив телевизора. Капитан Куприн тоже сидел в кресле, читал газету, напевая под нос мелодию известной песенки. Наконец он закончил музыкальные упражнения, кому-то позвонил по телефону, сказал «да», «нет» и дал отбой. Положил газету на журнальный столик.

– Почитай, интересно, – сказал капитан.

Сотник ответил, что газет даже в колонии не читал. А если и читал, то верил им не больше, чем некоему Двоскину. У этого парня из их отряда совсем съехала крыша. Он вообразил себя радиоприемником и без умолку болтал про конец света, про газ, которым якобы травят зэков. Однажды ночью Двоскин, свалив в темном углу тряпье и подушку, набитую прелой соломой, пытался поджечь барак. Воры решили, что надо принимать какие-то меры, иначе быть большому пожару. Через два дня Двоскин умер в медсанчасти от множественных ножевых ранений.

Вот уже третье утро Сотник просыпался на диване в чужой квартире, пропахшей свежей краской, обойным клеем и какой-то химией. Он разглядывал потолок и рисунок обоев и не мог поверить своему счастью. Он выходил на балкон, с высоты девятого этажа открывался чудный вид на дальнее поле и лес, еще утопающие в снегу. Было холодно, северный ветер бросал в лицо мокрые снежинки. Но Игорь не уходил в комнату, стоял и смотрел на этот лес, на дорогу, которая ведет к Москве.

Два дня назад, по пути из колонии, они не доехали до столицы всего три десятка километров. Остановились возле незнакомого дома, поднялись на девятый этаж. Полковник Лихно открыл дверь своим ключом, впустил Сотника в просторную прихожую. Ясно, что квартира служебная, никто тут не живет, а контрразведчики используют хату по своему усмотрению. Так началась вольная жизнь бывшего заключенного, жизнь, к которой, как оказалось, за день не привыкнешь. Тут нужно хоть какое-то время, неделя, а то и месяц.

Сотник смотрел на экран телевизора и думал, что сейчас он запросто может уйти из квартиры, якобы за сигаретами. Можно поймать такси и добраться до Москвы. К вечеру его карманы будут набиты наличностью. Он погуляет на всю катушку, а потом надолго заляжет на дно. И всплывет, когда о его существовании забудут контрразведчики и менты. Вынырнет где-нибудь на Кипре, поменяет документы и снова исчезнет. На свободе у него еще остались добрые знакомые, значит… Ничего это не значит, – поправил себя Сотник. О его существовании никто и никогда не забудет. Ну, до тех пор, пока он еще дышит. И до Кипра он живым не доберется.

Еще в следственном кабинете на зоне чекисты показали фотографии единственного близкого родственника, самого дорогого человека на свете: младшей сестры Марии, которая живет в Пензе. Работает в строительном тресте экономистом, не отказывается ни от какой подработки, потому что с деньгами всегда туго. Одна воспитывает пятилетнего сына. Отец маль-

чишки, бывало, крепко выпивал. И откинул копыта, когда позапрошлой зимой в тридцатиградусный мороз уснул под забором своей любовницы, известной на весь горд шлюхи. Полковник сказал, что Марии сейчас нелегко живется. Но о ней и ребенке позаботятся, за ними присмотрят. Сестре на первое время деньжат подкинут, помогут найти другую работу, где зарплата выше и перспектив больше.

Полковник сразу сделал важную оговорку. Конечно, все эти благотворные перемены произойдут, если Сотник будет правильно себя вести. Лихно не расшифровал, что значит «правильно себя вести», решив, что это без слов понятно. Если же Игорь станет вести себя «неправильно», то его во всех отношениях положительная работящая сестра может без вины пострадать. Вот, говорят, недавно в Перми трамвай зарезал женщину. Тоже положительную и работящую, между прочим, мать троих детей. Прискорбный случай. Хулиганы вытолкнули ее на рельсы, прямо перед вагоном. Да, чего только в жизни не случается, какие только мерзости не происходят… И хулиганов развелось столько, хоть из ружья отстреливай. Но патронов на всех не хватит.

Полковник закончил образный монолог и уставился на собеседника, будто ждал какого-то ответа или обещания хорошо себя вести. Сотник сопел в две дырочки и сжимал кулаки. В другое время он бы за эти слова вытряхнул из Лихно его поганую грязную душу. А заодно перегрыз горло капитану, чистенькому мальчику, с прекрасными васильковыми глазами. Но сейчас другой расклад, не Сотник банкует.

* * *

Около полудня входная дверь распахнулась, появился полковник Лихно, на воротнике пальто еще не растаяли снежинки. Он коротко поздоровался и отправился на кухню. Стало слышно, как на плите тонко посвистывает чайник. Капитан Куприн разгадывал кроссворд, изредка поглядывал на Сотника своими васильковыми глазами и чему-то печально улыбался.

Напившись чаю, Лихно вошел в комнату, сделал протестующий жест, когда Сотник попытался встать. Николай Макарович включил верхний свет, скинул пиджак, но не повесил его на стул. А положил рядом с собой на диван, по правую руку. Под тканью шелковой подкладки угадываются очертания пистолетной рукоятки. Интересно, сколько секунд требуется полковнику, чтобы вытащить ствол и выстрелить в человека с близкого расстояния? Две-три секунды? Или больше? Размышляя над этим пустым вопросом, Сотник поскреб затылок ногтями. Ответ не имеет значения. И пистолет не потребуется, и кровью полковник не испачкается. Он держит ствол под рукой по старой привычке, выработанной годами. Он знает, что Сотник согласен на любую работу, которую ему предложат. Самую грязную, самую опасную работу.

Как правило, Лихно начинал разговор издалека, медленно приближался к сути дела, словно круги нарезал. Но тут изменил привычке.

– Вы, Игорь, пару раз спрашивали: что нам нужно, – он глянул на Сотника из-под насупленных бровей и отвел взгляд. – Настало время объясниться. Сначала короткое отступление. Люди из нашей организации стараются не засвечиваться попусту. Конспирация – не пустое слово. Поэтому разного рода операции, ответственные, но не требующие специальной подготовки или какого-то особого оборудования, мы иногда поручаем сторонним лицам. В данном случае нам нужен человек с криминальным опытом и определенными навыками. Как вы догадываетесь: у нас большой выбор кандидатов. Но мы решили, что для этого дела вы подходите лучше других.

Лихно кивнул капитану и тот выложил на журнальный столик несколько фотографий миловидной женщины с каштановыми волосами до плеч, красивым прямым носом и голубыми глазами. Сотник присвистнул: симпатичная. Лихно сказал, что имя дамочки Джейн Майси, гражданка США, в настоящее время находится в Москве в командировке. Она сотрудница

консалтинговой фирмы, носитель ценной информации. Женщина знает много чего такого, что хотели бы знать чекисты.

Задача Сотника организовать ее похищение. Чуть позже он перевезет даму в надежное место, неподалеку от Москвы. Там она под присмотром Сотника проведет несколько дней. За это время улягутся страсти, милиция получит передышку и поймет, что задержать преступников по горячим следам не удалось. Значит, надо ждать вестей от похитителей. По ментовским убеждениям, людей, а иностранцев в первую очередь, похищают, чтобы тянуть деньги с их родственников. Ну, пусть так и думают. Тем временем Сотник переправит прекрасную даму в Турцию, а затем в Сирию. Маршрут следования, документы, оружие… Все эти вопросы продуманы и решены.

– Что вы сделаете с женщиной?

– Не задавай лишних вопросов, – Лихно усмехнулся. – Это пахнет идиотизмом.

– И все-таки?

– Ну, если ты настаиваешь… Она проснется, скажем, где-нибудь в Дамаске или в Стамбуле. А лучше в Москве. На лавочке в метро. Откроет глаза и не сможет вспомнить ничего из того, что произошло с ней за последний месяц. Как отрезало. Ни одного события, ни одного имени. Ничего. Только темный пустой колодец забытья. Ей сделают укол, после которого наступает амнезия. Человек не помнит, что происходило с ним в течении последнего месяца. Вскоре она вернется к нормальной жизни, уедет в свою Америку.

Сотник кивнул головой. Он решил, что полковник умеет врать просто и убедительно. Но ведь этому он учился всю жизнь. И практика наверняка богатая.

Лихно помолчал минуту и сказал, что одному Сотнику будет трудно провернуть все дело, поэтому в помощь он может взять двух парней. Лихно кивнул капитану, тот выложил на стол фотографии мужчин.

– Вот несколько человек, которых мы держим на примете, – Лихно покашлял в кулак. – Можно сказать, кадровый резерв. Люди с опытом. Вот этот тип, например, восемнадцать раз похищал детей богатых бизнесменов. И всегда получал выкуп. Очень фартовый. Его продали сообщники. Но взять его ментам не удалось. Ушел, как вода сквозь пальцы. Сейчас после двух пластических операций он словно заново родился. И готов взяться за дело. Рекомендую.

Сотник молча кивнул.

– И вот еще, взгляните. Весьма достойный кандидат. Отличный водитель, владеет всеми видами оружия, – Лихно показал пальцем на фотографию мужчины с круглым лицом и тонкими усиками. – Последний раз осужден восемь лет назад за похищение жены и ребенка богатого иностранца. На суде ему хотели пришить еще двойное убийство, совершенное с особой жестокостью. Но доказательства у следствия были неубедительными. В результате всего четыре года колонии. Освобожден досрочно. Сейчас бедняга сидит на мели. Будет рад нашему предложению. Или вот еще…

– Не надо, – Сотник взял кусок бумаги, написал на нем пару строк. – Вот люди, с которыми я буду работать. С одним парнем Сергеем Клячкиным, вором, по кличке Сапог, случайно познакомился на восточном базаре, в Бухаре. Второй Кургузов Павел Павлович, для своих просто Палыч. Он сидел со мной на одной зоне. Вышел на волю год назад. Найти этих людей для вас труда не составит. Они ни от кого не прячутся.

– Но мои люди – профессионалы…

– Квалификация тут не имеет значения, – ответил Сотник. – Нужны люди, на которых можно положиться. Палыч и Сапог в долгу предо мной. И они будут работать не хуже профессионалов.

– Можно поинтересоваться, что за долг?

– Жизнь, – Сотник взял зубочистку и стал ковыряться во рту. – Каждый их них обязан мне жизнью. Я имею право взыскать долг в любое время.

Лихно удивленно хмыкнул.

– И что, они… отдадут?

– Может быть, среди людей, с которыми вы общаетесь, принято не платить долги. Я этого не знаю. Те люди, с которыми я имею дело, долги возвращают. Это святое. Впрочем, долг можно и простить. Но это уже не мне решать.

Лихно сгреб фотографии в портфель.

– Что ж, в принципе я не возражаю. Завтра ты получишь загранпаспорт. И банковскую карточку. На счете некоторая сумма. Немного. Это на личные расходы. По окончании дела ты и твои помощники смогут остаться в Сирии. Или выехать в другую страну. В Россию возвращаться по понятным причинам пока нельзя. Как только передадите женщину мне или одному из моих людей, получите на руки новые паспорта и наличные. Не обещаю золотых гор. Но денег каждому хватит на полтора года сносной жизни в Европе.

Лихно поднялся, надел пиджак. И, уже попрощавшись, сказал, что все детали будущей операции они обсудят уже завтра. Но в другом месте, на съемной московской квартире. Сотник получит все, что нужно для работы: средства связи, оружие, деньги и транспорт. У него будет дней десять, чтобы присмотреться к этой американке, изучить маршруты поездок по Москве. И решить, в каком месте и в какое время удобнее всего действовать.

Глава 3

В понедельник дела навалились на Девяткина, как горная лавина. И погребли под собой. С утра на служебной машине он приехал к городской больнице, куда с травмой головы и переломом правого предплечья поместили американку. Главный врач травматологического отделения профессор Валерий Задонский, статный седовласый мужчина, усадил посетителя на стул и даже разрешил курить.

Глянув на Девяткина внимательно, сделал для себя какой-то важный вывод, покачал головой, а потом стал протирать безупречно чистые стекла очков фланелевой тряпочкой. Покончив с этим делом, сказал, что больная по-прежнему в реанимации. Ее состояние он оценивает как удовлетворительное. Но до сих пор держится высокая температура, а чем это вызвано – не совсем понятно. Если температура спадет, милиционеры смогут поговорить с пациенткой, скажем, через неделю. И только в присутствии переводчика и секретаря американского посольства. Конечно, Джейн прекрасно говорит по-русски, переводчик тут без надобности. Но на соблюдении всех процедур настаивают американцы. Беседа будет не слишком продолжительной. Ну, так и быть, доктор на это дело выделит десять минут.

– Сюда звонили из американского консульства, – Задонский загибал длинные пальцы. – Из московского представительства «Хьюз и Голдсмит». Все рвутся в реанимационную палату. А у меня язык распух объяснять простые вещи. В реанимацию вход разрешен только персоналу. По специальным пропускам.

– На каждое правило есть исключение, – вставил Девяткин.

– Не сейчас. Мне того хватает, что у реанимационного отделения днем и ночью дежурят вооруженные автоматами милиционеры. И это продолжается третьи сутки. Больные жалуются.

– У больных проблемы с законом?

– У них слабое сердце. И нервы расшатаны.

Врач гордо вскинул подбородок, снял очки и, кажется, снова собрался их протереть, давая понять, что разговор подошел к концу. И милиционеру пора выметаться. Когда профессор закончил манипуляции с очками, то обнаружил, что Девяткин сидит на прежнем месте.

– Валерий Иванович, дорогой мой человек, я майор уголовного розыска, – Девяткин постарался улыбнуться. – И мне рассказы про высокую температуру и пропуска для персонала – это плюнуть и растереть. У меня два трупа, молодые люди. Они погибли, потому что пытались помешать бандитам затащить в машину эту дамочку. Ваша пациентка цела, она легко отделалась. И будет, надеюсь, жить долго и счастливо. Сейчас она – главный свидетель. И пока я не получу ответы на свои вопросы, отсюда не уйду.

– Вы уйдете отсюда прямо сейчас и не получив ответов, – усмехнулся врач. – Здесь порядки устанавливаю я. И только я. До встречи.

Прения кончились, когда Девяткин снял трубку телефона и пригрозил вызвать группу силовой поддержки.

– Ведь не сам же я с вами драться буду, – сказал он.

Через несколько минут он стоял возле кровати, на которой лежала женщина неопределенных лет и наружности. Бинтами обмотана голова и большая часть лица, гипс на правой руке, простыня закрывает пострадавшую по самую шею. Женщина сжала потрескавшиеся серые губы, приоткрыла один глаз, посмотрела на посетителя и сделала вид, будто спит.

– Ты кто такая, красавица? – Девяткин придвинул стул и сел.

– А ты мент что ли?

– Хоть бы и так. Убойный отдел, МУР. Говорить можешь?

– Через слово, – женщина растянула в улыбке серые губы. – Спрашивай, чего молчишь.

* * *

Через полчаса Девяткин знал, что женщину зовут Ольгой, ей двадцать девять лет. Род занятий – эскорт услуги. Она сопровождала богатых клиентов в рестораны или на деловые встречи, а в конце вечера, если спутник не слишком напивался, не отказывалась разделить с ним постель. Неделю назад через сайт фирмы, где размещены фотографии всех девочек, сделал заказ новый клиент. Ничего особенного не требовалось: сходить в центр международной торговли на выставку, а затем поужинать с ним в ресторане «Украина». Приятный мужчина лет сорока, высокий, спортивного типа. Прикинут по фирме, воспитан, умеет поддержать разговор и понравиться женщине.

В начале прошлой недели они побывали на той выставке, много болтали. Затем Леонид, так мужчина представился, пригласил ее в один французский бутик. Он выбрал замшевые полусапожки, красный шарфик из искусственного шелка и кожаную куртку. Сказал, что это презент, сущие пустяки, потом что настоящие подарки впереди. И попросил, чтобы на все последующие встречи, Ольга надевала именно эту куртку, сапожки и красный шарфик. Удивляться нечему, у клиентов возникают куда более странные, даже извращенные желания. На вопрос: почему он выбрал именно Ольгу, Леонид ответил в том смысле, что она похожа на одну давнюю подругу. Отношения с той женщиной чуть не переросли в большую любовь, которая на всю жизнь, но… Не сложилось.

– Врал, конечно, – сказала Ольга. – Но я с вопросами не приставала.

В прошлую пятницу Леонид попросил, чтобы в три часа дня она подъехала к кинотеатру «Ударник». На этот раз он не пользовался такси, приехал на своей машине. Он усадил ее на переднее сидение, сказал, что сегодня намечается романтический ужин в одном приличном ресторане. Но сначала, они завернут в магазин модной мужской одежды. Костюм себе Леонид так и не подобрал, угостил Ольгу легким обедом и кофе.

– Некоторое время спустя я почувствовала, что со мной что-то происходит, – сказала женщина. – Я впала в состояние, когда мышцы тела словно деревенеют, не слушаются тебя, а человеческие голоса доносятся откуда-то издалека. И слышно их плохо.

Ольга хотела спросить своего галантного кавалера: какую заразу он подмешал в кофе, но не смогла языком пошевелить. Просто растеклась по сидению, как растаявшее желе. Она помнила, что машина долго колесила по городу, заднее сидение заняли какие-то люди. Когда она пришла в себя и открыла глаза, на город опускались первые сумерки. Машина стояла в каком-то дворе, дверца была распахнута. Ольгу кто-то хлопал ладонью по щеке, слышалась матерная брань и смех.

Она открыла глаза, сквозь туман увидела незнакомое мужское лицо. Она сидела все в той же машине, а тот незнакомый тип пытался прямо из бутылки влить ей в горло какое-то отвратительное пойло. Дешевое вино, пахнувшее пробкой и жженым сахаром. Ольга закрыла рот, вино полилось на куртку, на сидение. Мужчина ударил ее кулаком в лицо. Спустя время она почувствовала, как кто-то мокрой тряпкой вытирает с подбородка запекшуюся кровь. И снова она провалилась в космическую пустоту, где нет ни людей, ни света, ни звуков. Пришла в себя только в больнице. Позвала врача, но медсестра сказала, что разговаривать ей нельзя, чтобы не тратить попусту силы.

Девяткин успел задать один вопрос, но ответа не получил. Ольга заснула. А врач, сидевший на стуле у окна, сказал шепотом:

– Вот вам и американка…

* * *

В коридоре Главного управления внутренних дел в ожидании допроса Инга Костина провела около полутора часов. Наконец ее пригласили в кабинет. Женщина, усевшись за стол для посетителей, вгляделась в мрачную физиономию Девяткина и со злорадством думала, что сейчас испортит настроение этому тупому и бездушному менту. К работе с людьми майор непригоден, ему бы в деревне граблями махать, а не протоколы писать. Она не ответила на первый вопрос, а просто бросила на стол пропуск и сказала.

– Потрудитесь сделать отметку. И поставить печать. Иначе меня не выпускают из вашего здания.

– К чему так торопиться? – удивился Девяткин.

– Отвечать на вопросы без адвоката я не стану. А мой адвокат вернется из отпуска через месяц. Это первое. Теперь второе. Я поговорила с мужем о том безобразном инциденте, когда меня задержали на остановке. Чуть руки не крутили. Заставили отчитываться перед милиционером, словно какую-то преступницу. Мой муж сегодня же отправит депутатский запрос вашему начальству. Это касательно безобразного поведения милиционеров. И вашего поведения прежде всего.

– У меня мало времени, – ответил Девяткин. – Вы свидетель тяжкого преступления. Отвечать на мои вопросы – ваш гражданский долг. Показания не будут использованы против вас…

– Я не стану отвечать ни на какие вопросы, – женщина презрительно усмехнулась. – Я дождусь возвращения своего адвоката с Сейшельских островов. И только потом появлюсь на Петровке. Вместе с ним. Кстати, к тому времени лично вас здесь уже не будет. Вы, Юрий Иванович, покинете это здание без погон майора и без выходного пособия. Конечно, без работы вы не останетесь. Молодой, полный сил мужчина должен приносить пользу обществу. Рабочие руки стране нужны.

– Вы так думаете? – Девяткин был озадачен монологом свидетеля. Поэтому ответил первое, что пришло в голову. – Вы уверены, что стране нужны именно мои руки?

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – кивнула Костина. – И даже готова помочь в трудоустройстве. Неподалеку от нас идет строительство многоэтажного гаража. Мы с мужем там купили бокс на четыре машины. Поэтому я в курсе всех дел. Так вот, на стройке нужен вахтер. Стоять на воротах и проверять пропуска рабочих. И транспорт тоже. Хорошие условия. Работа на свежем воздухе. Бесплатный обед и проезд в автобусе. Могу похлопотать, если вы заинтересовались. А? Вижу, что заинтересовались…

Девяткин перекладывал из руки в руку карандаш и кивал головой, словно фарфоровый болванчик. Трудно было понять, о чем он думает в этот момент. Возможно, он думал, что работа на свежем воздухе действительно пойдет на пользу здоровью. И бесплатное питание – это большое удобство. Возможно, его мысли текли совсем в ином русле, но сказал он следующее:

– Я вас внимательно выслушал. Теперь ваша очередь. Мой помощник старший лейтенант Лебедев и я в эти выходные не подышали свежим воздухом. Мы провели время в архиве информационного центра ГУВД. Бесплатными обедами нас не кормили. И на автобусе не катали. Но мы не без пользы ухлопали два дня. В частности, кое-что выяснили касательно вашей персоны. Так, мелочи… Но, как говорится, курочка по зернышку клюет.

– И что же наклевала ваша курочка?

Костина, стараясь не выдать заинтересованности, закинула ногу на ногу так, чтобы в поле зрения следователя попали ее точеные колени. И та часть ног, что выше колен, схваченная

тонкими чулочками. Девяткин отвел взгляд в темный угол кабинета. И, больше не обращая внимания на телодвижения свидетеля, коротко изложил свою историю.

Муж Инги Борисовны, уважаемый человек, Феликс Костин перестал заниматься бизнесом с тех пор, как стал депутатом Государственной думы. Ну, известно, что закон запрещает депутатам заниматься коммерцией. Он передал бизнес в доверительное управление старому другу, некоему Сергею Покрасу. А бизнес немаленький: несколько продуктовых магазинов, склады и много чего другого. Костин доверял Покрасу, как-никак вместе начинали и все такое прочее. Но червь точил душу депутата. Он знал, что за Покрасом водились темные дела. Этот приятель дважды отбывал срок за хищение собственности в особо крупном размере. Да и сейчас, кажется, болтается на приколе у ментов.

Короче, Костин решил, что и за близким другом нужен присмотр. Проверять финансово-хозяйственную деятельность торгового дома взялась супруга Инга, в прошлом бухгалтер. Ей в помощь наняли несколько специалистов. Поначалу были выявлены какие-то нарушения. Но Инга Борисовна решила ничего не сообщать мужу, чтобы его попусту не волновать. Так все и шло, так и катилось.

Но в бизнес стали вмешиваться чувства. Обычные человеческие чувства, возникшие между женщиной и мужчиной. А это не шутка. Это бомба замедленного действия. Легкое увлечение переродилось в связь, которая тянется… Девяткин посмотрел на потолок и беззвучно зашевелил губами. Словно подсчитывал, какое время тянется та любовная связь. Но не сосчитал до конца, сбился…

– Вы эти сказки травите своей жене, – Костина попудрила носик и посмотрела на свое отражение в крохотном зеркальце. – Любому дураку с большими грязными ушами. Который любит слушать сплетни.

Девяткин не заметил этих слов.

– В пятницу я удивился. Такая породистая дама. Супруга депутата, которого по телеку часто показывают, будто он артист. И вдруг вы – одна. На темной улице. Но потом все склеилось. Выяснилось, что в доме через улицу проживает тот самый Покрас. Вы не ждали автобуса на остановке. Вы вышли из такси и дожидались зеленого сигнала светофора, чтобы перейти дорогу. Тут началась заваруха в кондитерской, вы поспешно отошли в сторону.

– У меня ничего не было с этим Покрасом. Он мужлан, бывший уголовник. Я сто раз говорила супругу, чтобы он этого деятеля выпер с работы. Давайте закончим на этом.

– Дослушайте, осталось немного, – пообещал Девяткин. – Сотрудники управления по борьбе с экономическими преступлениями приглядывали за Покрасом. Наружное наблюдение, выборочное прослушивание телефонных разговоров. Его подозревали… Впрочем, это тайна следствия. Но оперативная информация не подтвердилась, на Покрасе не висело ничего серьезного. Короче, в тюрьму сели другие люди. А вот записи телефонных разговоров остались. Наверняка они заинтересуют вашего мужа. По глазам вижу, что заинтересуют.

– Господи, какая грязь, – Костина привстала, одернула юбку. – Какая мерзость. Слушать разговоры личного характера. Я вас прошу…

– Свою просьбу изложите позже, – сурово покачал головой Девяткин. – Я точно знаю, что вы стояли в десяти шагах кондитерской. Прямо над вами горел фонарь уличного освещения. Вы все видели. И наверняка хорошо запомнили внешность мужчин. Правильно?

Костина кивнула головой.

– Тогда сейчас мы спустимся на этаж. При помощи наших специалистов вы составите композиционный портрет нападавших. Ну, фоторобот. Что-то вроде рисунка. Вы сможете это сделать?

– У меня хорошая зрительная память. И еще я позвоню мужу, прямо сейчас. История с этим депутатским запросом – чистое недоразумение. Только… Ну, услуга за услугу? Договорились?

* * *

– Ох, ой, – хрипловатый женский голос стих. И спустя минуту. – Ох, мамочка…

Было темно так, что не увидишь ладонь, поднесенную к лицу. Джейн Майси лежала то ли на топчане, сбитом из досок, то ли на койке, где вместо матраса деревянный настил. Поверх настила постелили зимнее пальто с каракулевым воротником, изъеденным молью. Вместо подушки скатанная брезентовая роба, провонявшая соляркой. На запястье левой руки не было часов, а на шее золотой цепочки с медальоном в форме сердечка. Медальон открывался, внутри была фотография шестилетней дочери Кристины.

– О, господи, – сказала из темноты женщина.

И надолго замолчала. Но совсем звуки не исчезли. Капля воды ударилась о жестяной рукомойник. Снова тяжело вздохнула женщина. И опять тишина.

Джейн помнила все обстоятельства своего похищения, помнила машину, в которую ее пересадили. Рядом еще стояли зловонные помойные баки, над которыми висела желтая луна. Она помнила, как женщину, занимавшую переднее сидение, на ходу вытолкнули из машины. И еще появлялись короткие отрывочные воспоминания: иголка шприца входит в предплечье. Джейн вздрагивает от боли.

Неожиданно раздался звонок, громкий дребезжащий. Вспыхнула лампа над дверью.

– Проснулась? – спросила женщина. – И я тоже. Эх, снился мне… Сын снился. Кипятку хочешь?

Джейн села на своем топчане, огляделась по сторонам. В дальнем темном углу кособокий стол. На нем электрическая плитка, алюминиевый чайник с помятыми боками. Еще банка горчицы и полбуханки хлеба. Окон в помещении нет, стены сырые, на потолке проступили ржавые разводы от протечек и пятна плесени. В углу у двери за дощатой перегородкой унитаз, рядом железная раковина. На полу корыто, в таких когда-то давно купали младенцев. В другом углу ящик, забитый газетами, которые, видимо, использовали вместо туалетной бумаги. У наглухо закрытой железной двери, старая вешалка. На ней болтаются нищенские лохмотья: вытертая кроличья шапка с дырой на макушке, рабочий халат, припорошенный угольной пылью и телогрейка.

Джейн перевела взгляд на соседку по комнате. Сколько же ей лет? Сразу не скажешь. Не меньше двадцати, но не больше восьмидесяти. Где-то в этих пределах. Лицо серое, отечное. Каштановые с проседью волосы коротко подстрижены. Роста женщина невысокого, плечи широкие, жилистые сильные руки. Под глазом овал синяка. Вместо ночной рубашки – майка без рукавов и короткие мужские подштанники, подпоясанные веревкой. Икры ног покрыты синюшными волдырями. Хозяйка комнаты перехватила взгляд Джейн. Наклонившись, погладила ногу ладонью и надавила пальцем на волдырь с такой силой, что он побелел.

– Это все от угольной пыли, – сказала она. – Въедается в кожу. Недавно на руках волдыри стали появляться. Меня вообще-то Викой зовут. Полное имя Виктория. Ну, тут меня Королевой Викторией называют. Говорят, очень похожа. Прямо одно лицо. Ну, я не возражаю против королевы. Как думаешь, похожа?

Женщина повертела головой и горько вздохнула.

– Только короны не выдают.

Она сунула ноги в валенки с обрезанными голенищами, надела рабочий халат. Присев к столу, сыпанула в железную кружку щепоть заварки, налила кипятка. Достала откуда-то из подштанников перочинный нож с длинным широким лезвием. Намазав горчицей кусок хлеба, стала его жевать.

– Чего смотришь? – Виктория поманила Джейн пальцем. – Садись, поговорим. У меня смена в кочегарке только через час начинается. Вернусь поздно. И сразу спать.

Джейн подсела к столу, плеснула кипятка во вторую кружку, твердо решив выудить хоть какую-то информацию из этой странной женщины. Задавать много наводящих вопросов не потребовалось. Виктория охотно рассказала, что знала. Сюда она попала случайно. Единственный сын, работал заместителем управляющего небольшого коммерческого банка. То ли ее Юра подписал платежный документ, который не имел права подписывать. То ли подписал правильный документ, но деньги ушли не туда, куда их направили. И потерялись. То ли деньги были непростые, а бандитские.

Всех подробностей Виктория не знает. Но однажды к ним домой пришли серьезные парни, приставили к голове сына пистолет и велели написать несколько документов. Дарственную на квартиру, на загородный дом, на две новые машины. Они забрали деньги сына и его документы. А Юру отделали так, что он теперь не может без посторонней помощи подняться со стула. И еще плохо говорит. Из близких родственников помнит имя тетки и матери. Серьезные мальчики сказали Виктории, что деньги, ценности и недвижимость, изъятые у Юры, не покроют всех убытков, которые они понесли. Виктории придется отработать оставшийся долг за сына, поскольку он теперь к физической деятельности непригоден.

Викторию отвезли сюда, выдали рабочую одежду и объяснили, что ее задача двенадцать часов в день проводить в бойлерной, кидать в печку уголек, чтобы вода всегда была горячей. Надо следить за температурой котла и выполнять еще кое-какую работенку.

Наверху баня для больших людей. Говорят, сюда париться даже министр иностранных дел приходил. Викторию сразу предупредили: будут жалобы от клиентов, что вода негорячая, пусть обижается только на себя. Наказание за провинность будет жестокое, но справедливое. Поэтому она старается изо всех сил. Охранников в бойлерной нет, но надо помнить, что за тобой приглядывают. Категорически запрещено выходить в коридор, подниматься вверх по железной лестнице и спать. За это лишают еды и курева. И еще могут… Викторию сжала пальцы в кулак, поднесла этот кулак к носу Джейн и спросила, чем пахнет. Пахло угольной пылью и горчицей.

– Неправильно, – помотала головой Виктория. – Пахнет могилой.

Сколько времени она здесь кидает уголь, сама точно не помнит. Отмечала смены черточками на тетрадном листе. Но тот лист давно куда-то пропал. Начинала снова отмечать, да опять листок потеряла. Когда ее засунули сюда, была ранняя весна. И сейчас, говорят, тоже весна. Только вот какая она по счету?

Королева Виктория доела кусок хлеба, и спросила, за какие провинности тут оказалась Джейн. Выслушав ее историю, закурила папироску, долго о чем-то думала и сделала свой вывод.

– Значит, ты тут вроде ни за хрен собачий припухаешь. Ладно, подождем, когда внесут ясность… Они разберутся, в чем твоя вина. Но я так смекаю: пришла моя очередь на волю выходить. А ты уголек кидать станешь. Честно: давно я смены жду. Спина не гнется, ноги ломит. Да… Теперь, может, выпустят. Может, я свое уже отмантулила. Ясно: надолго Виктории не хватит. Вот они тебя и похитили.

– Глупости. Людей не похищают, чтобы поставить у топки.

– Эх, мало ты еще живешь на свете, чтобы рассуждать. Лучше привыкай понемногу. Это только сначала трудно. Первые пару месяцев. А потом легче станет. Пожрать, ну, вроде как обед, приносят прямо в кочегарку. И после смены чего-нибудь дают. Чего у них наверху остается из жратвы. Папиросы – в день пачка. Чаю немного. Случается, стакан водки набулькают.

– А меня когда…

– Привезли? – Виктория погасила окурок.

Оказалось, Джейн попала в подвал сутки назад, как раз перед прошлой сменой в котельной. Ее внесли на руках двое парней. Расстелили пальто, положили на топчан и смотались. Королева Виктория попыталась разбудить новую соседку, но та спала как мертвая.

– Жить можно и тут, – повторила Виктория. – Если бы не эта проклятая угольная пыль. Даже плюнуть нормально не могу. Слюна пополам с копотью и сажей. А у тебе красивые волосы. Можно я потрогаю?

Джейн кивнула. Виктория погладила ее по голове, помяла пальцами локон волос. Тут щелкнул замок железной двери, лязгнул засов. Вскочив с табурета, Королева Виктория набросила на плечи телогрейку, сунула в карман пачку папирос и вышла в коридор. Джейн долго смотрела на свое отражение в осколке зеркала, приклеенного к стене. Выглядит она немногим лучше Виктории. Похожа на бродяжку с вокзала, у которой нет ни жилья, ни документов. Даже имени нет.

Джейн вернулась на свой топчан. Голова кружилась от слабости. Поправив старое пальто, она легла на бок и подумала о превратностях судьбы. Может статься, в ближайшие месяцы, а то и годы, ей суждено за кусок хлеба работать истопником в мужской бане. Жить в этом клоповнике, мыться в ржавом корыте и дожидаться то ли смерти, то ли чего похуже.

* * *

К пяти часам вечера Девяткин, расположившись в рабочем кресле, рассматривал гордый профиль Павла Моисеевича Шумского. Презрительно выпятив нижнюю губу, профессор наблюдал, как по подоконнику, медленно перебирая лапками, ходит жирный голубь. Вопрос Девяткина вернул свидетеля на грешную землю.

– Ну, вспомнили что-нибудь?

– Вынужден вас разочаровать. Забыл даже то, что помнил вчера.

Он посетовал на годы, которые берут свое. На память, которая слабеет. Да и зрение тоже не улучшается. В ответ Девяткин в деликатной форме рассказал полузабытую историю, случившуюся полтора года назад как раз на историческом факультете вуза, где трудится уважаемый профессор.

Дело простое, едва ли не в каждом учебном заведении случается нечто подобное. Жила-была студентка, назовем ее Валей. В один прекрасный день она принесла своему преподавателю, с которым состояла в интимных отношениях, радостное известие о беременности. Девяткин из этических соображений не станет называть имени и фамилии того преподавателя. Ограничится интимным прозвищем, которое дала своему кумиру студентка: Пусик. Так вот, Пусик почему-то не обрадовался, напротив, очень огорчился по этому поводу. Сказал, что возьмет все расходы на себя, но беременность надо прервать. Вопрос даже не обсуждается. Валя ляжет в хорошую больницу, где у Пусика знакомый хирург, который все устроит в лучшем виде.

Но в душе женщины уже бушевали материнские чувства. Словом, состоялась ссора, с истерикой, взаимными упреками. Пусик говорил, что он уважаемый человек, профессор вуза, известного на весь мир. У него одних научных работ более пятисот. К тому же есть законная супруга, двое детей. И даже внуки. А злопыхатели и завистники только и ждут удобного момента, чтобы сковырнут Пусика с насиженного места на кафедре. Но Валя не хотела слышать про аборт.

Выждав неделю, Пусик зашел с другой стороны. Он сказал, что Валя рождена, чтобы стать великим ученым. Сейчас она готовит диплом, после его защиты есть возможность остаться в институте, на профильной кафедре. И под чутким руководством Пусика писать диссертацию. А дальше перед бывшей провинциалкой откроется дорога счастья и успехов… Пусик не успел развить мысль, женщина ушла, хлопнув дверью.

Последний разговор состоялся спустя пару недель. Пусик решительно заявил, что запросто сможет завалить любую дипломную работу, самую крепкую, самую талантливую. Было бы желание. А такое желание возникает. Женщина опять послала его подальше и ушла. Когда

провалилась на защите, поплакала и уехала в поселок, где живут родственники. Бедняжка одна воспитывает ребенка и старается забыть подлеца профессора.

– С каких это пор милиция интересуется личными делами граждан? – Шумский хмыкнул. – Я бы даже сказал интимными подробностями чужой жизни…

– Вопрос это не личный, гражданин любовник. Поскольку он не одного тебя касается. Скоро я получу письменное заявление пострадавшей Валентины Петровой. И у тебя начнутся такие неприятности, что…

– Слушайте, неужели вы на это способны? – побледнев, спросил Шумский.

– Я на многое способен, – кивнул Девяткин. – Хочешь убедиться?

Через минуту профессор дал задний ход. Мол, что отказывался сотрудничать со следствием, потому что бандиты и убийцы видели Шумского и наверняка его запомнили. А найти профессора проще простого – на кожаной папке, что он держал в руках, хорошо заметный золотой логотип вуза, где Шумский преподает уже двадцать лет. Его могут грохнуть за одно случайно вырвавшееся слово, за один намек… Пристрелят. Или прирежут.

– Не обольщайся на свой счет, – махнул рукой Девяткин. – Если тебя кто и прирежет – это твоя жена. Мотив убийства – ревность к студенткам.

Вскоре Шумский оказался в хорошо освещенной комнате, где вместе с художником и экспертом-криминалистом принялся за составление портрета предполагаемых преступников. А Девяткин уже в двадцатый раз набрал номер телефона третьего свидетеля происшествия: бывшего милиционера Константина Зобова. Но не услышал ничего кроме длинных гудков. Сегодня днем служебная машина выезжала по адресу, где проживает Зобов. Соседка по площадке сказала, что последний раз видела его в субботу утром. Всегда медлительный Константин Сергеевич куда-то торопился. Поставил в багажник своей машины две большие сумки и уехал. Странно… Зобов не вернулся, хотя знал, что в понедельник его ждут на Петровке.

Глава 4

Джейн томилась в тягостном ожидании хоть каких-то известий. Но новости, ни хорошие, ни плохие, в подвал не доходили. Дважды в день верзила с мордой неандертальца приносил еду: перловку на воде, дурно пахнущие объедки с чужого стола, к которым противно прикоснуться. Или суп: кипяченая вода, в которой плавала скользкая переваренная лапша. За три дня Джейн съела пакет сухарей, несколько ломтей хлеба с горчицей и пересушенную рыбку с широким, как китайский веер, хвостом. От слабости она почти не вставала. Перечитывала старые газеты, засыпала и просыпалась, когда на пороге появлялась соседка.

Королева Виктория возвращалась черная от угольной пыли и под хмельком. Когда была не слишком пьяной, набирала воду в корыто и просила потереть спину.

– Эй, подружка, – говорила она. – Хватит отдыхать, ты не устала. Не понимаю, чего тебя на работу не гонят.

Джейн, делая вид, что спит, лежала, отвернувшись к стене, и старалась не двигаться. Плескалась вода, материлась Королева Виктория. Пахло углем и водкой. Потом соседка, повалившись на железную койку, начинала похрапывать, сначала тихо, причмокивая губами, будто соску сосала. Потом громче и громче. Наконец храп обрывался. Королева Виктория принималась кашлять и хрипеть во сне. Временами казалось, что она задохнется от этих хрипов.

* * *

Дима Радченко переступил порог кабинета и понял, что застал своего начальника не в самом добром состоянии духа. Хозяин юридической фирмы «Саморуков и компаньоны» курил трубку только в минуты душевного расстройства. В воздухе плавал дым с ароматом верескового меда. Полозов выключил верхний свет, оставив гореть настольную лампу. Кивнув Диме, он пересел за стол для посетителей и спросил, как жизнь молодая. Дима ответил в том духе, что в тридцать семь молодость уезжает на скором поезде, на который не продают обратные билеты. Такая милая и привлекательная, она машет платочком из последнего вагона. И пропадает за поворотом.

– Смотрю, у тебя поэтический талант прорезался, – мрачно кивнул Полозов. – Можешь попробовать силы в нашей корпоративной газете. Догадываешься, почему ты здесь?

Дима неопределенно пожал плечами и передвинул с места на места папку с бумагами, которую прихватил с собой. Полозов выбил пепел из трубки в пепельницу в виде человеческого черепа, сделанного из бронзы. Минуту помолчал и стал издалека подступаться к теме разговора.

– Наверное, нашей конторе пора менять название, – Полозов закрыл глаза, будто скорбел в связи с такой переменой. – Конечно, старое имя – это бренд, это марка. Но я уже вспотел объяснять всем, что лично я, хоть и являюсь хозяином это лавочки, не ношу фамилию Саморуков. Тогда меня спрашивают «А где же в таком случае Саморуков? Почему он не пришел на совещание? Мы вызывали первых лиц».

– А что еще за совещание?

– Ну, в доме правительства, на самом высоком уровне. Этот вопрос мне задал очень большой человек, даже не хочется поминать его имя всуе, – Полозов поднял палец к потолку и этим пальцем погрозил кому-то невидимому. – А я стою перед ним как двоечник на уроке. И объясняю, что старик Саморуков давно врезал дуба, но перед кончиной продал контору мне. Своему ближайшему помощнику и партнеру. А тот великий сановник даже не дослушал. Отвернулся и зашуршал бумажками.

– Клиенты знают и помнят нас, как контору Саморукова. Старую адвокатскую фирму с безупречной репутацией. Но с другой стороны…

Радченко знал наверняка, что Полозов спросит, как продвигается дело американки Джейн Майси. А отвечать нечего. Поиски остановились, не успев начаться. Дима надеялся увезти беседу в сторону, заболтать начальника. А когда разговор затянется, Полозов вспомнит, что должен мчаться в другой конец Москвы. Или объявится какой-нибудь господин, встреча с которым назначена неделю назад.

– Что с другой стороны? – повел ухом Юрий Семенович.

– Ваше имя знает вся юридическая Москва, – Радченко ненавидел подхалимов. Но бывало, что именно подхалимаж спасал его в трудных ситуациях. – Ваше имя – не пустышка… «Юридическая фирма Полозова» – звучит.

– Черт побери… Приятно слушать комплименты. Ощущение такое, будто травянкой щекочат. В одном месте. Но я опаздываю, – он положил трубку на подставку. – В семь мне быть возле Большого театра. Там я буду ждать одну дамочку… По секрету: дочка члена кабинета министров. И вся из себя красавица.

– Наверное, конкуренция страшная?

– Еще бы. К ней такие женихи подъезжают… Ты их рожи часто по телеку видишь. До зарезу надо отвезти ее на «Лебединое озеро». Балет дают завтра. Но я не достал билетов. При всех моих связях – не достал. Пришлось взять на сегодняшнюю оперу «Иван Сусанин». Скукотища, декорации еще те. Мрачные. Быт крепостных крестьян позапрошлого столетия, нашествие Наполеона, партизанская война… Полный ужас. Кажется, что со сцены воняет крестьянскими онучами и солдатскими портянками.

– Соболезную.

– Соболезнования приняты, – кивнул босс. – Кстати, хочу тебе кое-что напомнить. Доходы нашей фирмы, а значит, твои и мои доходы, складываются из двух основных компонентов. Первое: мы представляем в судах любой юрисдикции интересы наших клиентов.

– Я знаю…

– Не перебивай. Где тебя учили хорошим манерам? В казарме? В ту пору, когда ты в армии служил? Плохо учили. Итак, вторая часть наших доходов – это работа с корпоративными клиентами. В том числе с иностранными фирмами. Мы заключаем с ними договоры о комплексном обслуживании: об охране, помощи в инкассации документов и денег, юридической поддержке бизнеса и прочее. Фирма «Хьюз и Голдсмит» – где работает твоя знакомая Джейн Майси – это курица, которая несет золотые яйца. Правильно?

Радченко думал над вопросом непозволительно долго:

– Возможно.

– Фирмачей, в том числе Джейн, мы обязаны беречь пуще глаза. Должны вытаскивать из любых темных историй, криминальных переделок. Следить, чтобы никто им на ногу в метро не наступили. Должны сдувать пылинки с костюмчиков. И мы выполняем работу, стараемся отработать авансы. Теперь представь: кто-то из фирмачей уйдет от нас к конкурентам. Что случится? Вот что: за ним потянутся и остальные. В итоге мы потеряем не только деньги, но и репутацию. Тогда ты будешь ездить не на «Харлее», а на старом отечественном мопеде. Так провоняешь бензином, что красавица жена сначала перестанет с тобой ложиться в одну постель. А потом разведется к чертовой матери. И будет права на все двести пятьдесят процентов.

– Это вряд ли, но…

– Опять перебиваешь? А я буду ходить по разным конторам и наниматься на работу. Но меня никто не возьмет. Даже на должность младшего консультанта. Потому что в дешевом костюме я буду похож на беженца из Польши. А иностранные беженцы тут никому не нужны. Своих хватает. У меня лично слезы на глазах закипают. Ну, тебе меня не жалко?

– Жалко. То есть, я хотел…

– В таком случае у тебя полчаса. Рассказывай.

– Мне и двух минут много, – Радченко кисло усмехнулся. – Я наводил справки по всем каналам. Глухо. У ментов тоже нет ничего. Тем вечером Джейн остановила машину возле кондитерской…

– Обстоятельства похищения не пересказывай. Давай по существу…

– У следствия два свидетеля. Они с грехом пополам составили композиционный портрет бандитов. И на том остановка. Я знаком с Джейн. В прошлом году помог ей выбраться из переделки. Она прекрасный человек и хорошая женщина…

– У тебя была возможность в этом убедиться? – Полозов расцвел в улыбке. – Я так и думал. Молодец, Дима, зря времени не терял. Искренне завидую. Твоя супруга, надеюсь, не в курсе?

– Серьезно: у нас с Джейн ничего такого не было.

– Верю, – Полозов прижал ладони к сердцу. Ясно, он не верил ни единому слову Радченко. – Ты прости мое клятое любопытство. Сам жалею, что спросил. Но в моем кабинете как на исповеди. Отсюда ни единое слово не выйдет наружу. Так что не стесняйся. Ты встречался с ней? Как давно?

– Ну, где-то за два-три дня до ее похищения. Встречались по делу. Друзья Джейн, супружеская пара Бейкер из Америки, прилетела сюда, чтобы усыновить сироту, семилетнего мальчика из детского дома. Они уже четвертый раз прилетают. Но дела стоят на месте. Пакет документов удалось собрать. Теперь друзья Джейн ждут решения вышестоящих инстанций и результатов медицинской комиссии. Мальчик калека, у него…

Полозов махнул рукой, не дослушал.

– Ты считаешь, история с сиротой может быть связана с похищением Джейн?

– Я думал об этом. Никакой связи пока не просматривается. Нет мотива, например, корысти. Усыновители ребенка – люди среднего достатка из Канзаса. Стив – монтажник промышленных холодильников. Лайза – домохозяйка. Но некоторые документы, собранные в прошлый приезд, устарели. И теперь нужны такие же по смыслу, но иные по форме.

– Ты помогал им? Ну, этой Лайзе и Стиву?

– Дал пару советов. У них есть свой адвокат по гражданским делам. Парень молодой, но хватка бульдожья. И, что интересно, у него есть совесть.

Начальник, приоткрыв рот, с интересом посмотрел на подчиненного. Полозову хотелось спросить: неужели юристу, адвокату в частности, нужна совесть? По какому назначению можно использовать эту субстанцию? Может быть, к совести прилагается инструкция по ее применению? Полозов печально вздохнул, глянул на часы. И решил, что на посторонние вопросы времени не осталось.

– Я жду результатов, – сказал он. – Положительных. Ты однажды спас Джейн. Повтори то, что уже делал. Только на этот раз, кажется, что дело сложнее, чем тогда. И опаснее. Но ты служил в специальных подразделениях морской пехоты. И наверняка там тебя отучили трусить.

– Сделаю все, что смогу, – Радченко догадался, что начальник ждет именно этих слов. – Но помните, в прошлый раз вытащил Джейн из переделки, потому что Бог играл за мою команду. Это простое везение. Я не профессиональный детектив, я всего лишь адвокат. Специализируюсь на уголовном праве. И в поте лица зарабатываю кусок хлеба.

– Не прибедняйся, – проворчал Юрий Семенович. – В твоей коллекции двадцать самых дорогих мотоциклов, какие только можно найти в Москве.

– Самые дорогие я уже продал. Моему двухгодовалому ребенку нужна дача в хорошем месте. И такое место, по мнению моей жены, есть только на Рублевском шоссе в двадцати километрах от Москвы. Там такие цены, что меня прошибает холодный пот. Я снял самый скромный дом и по уши залез в долги. Скоро понадобится заграничная няня с хорошими манерами. Словом, я не успеваю удовлетворять растущие потребности моей семьи.

– Посоветуй жене устроиться на работу, – процедил сквозь зубы Полозов. – И потребностей станет меньше. Я пережил два развода. И все по одной причине: разрешал женам не работать. Им в головы от безделья лезли шальные мысли. И вот… Я снова холост.

– Кстати, за ту прошлогоднюю историю меня обещали назначить старшим партнером адвокатской фирмы. Но ограничились денежной премией.

– Димыч, это закон жизни: крутым ребятам вроде тебя не достается ничего. В лучшем случае денежная премия. А партнером адвокатской фирмы, как ты знаешь, стал великовозрастный олух из корпоративного отдела. Жадный и безнадежно тупой. Потому что его папа… Ну, ты знаешь, кто его папа. Пока не в моих силах, Димыч, поднять тебя наверх. Но сердцем я на твоей стороне. Теперь иди и рой носом землю. Но чтобы Майси нашел, сроку тебе – две недели. По мере надобности можешь привлекать наших детективов. В расходах не стесняйся. Но попусту деньгами не сори.

Полозов тряхнул руку Димы и подтолкнул его к двери.

* * *

Королева Виктория еще не вернулась со смены, когда в комнату ввалились двое мужчин. Этих людей Джейн запомнила по встрече в кондитерской. Первым порог переступил дядька лет сорока пяти. Худощавый, с блатным прищуром бесцветных глаз, он так глядел на собеседника, будто собирался всадить ему под ребра заточку. Улыбался легко, открывая фиксу. Золотой зуб светился так ярко, будто во рту горел огонек.

– Мо… Можешь нас… нос… называть меня Палычем, – человек медленно выдавливал из себя слова. Получалось неразборчиво. Видно, этот тип с детства страдал всеми известными медицине дефектами речи. И с годами эти дефекты не исчезли, а только развились.

Другой персонаж – парень со шрамами на лице, назвал свою кличку – Сапог. Помолчал и добавил, что это прозвище легко запомнить. Неприятный тип. Переносица расплющена, нос напоминает стоптанный сапог, носок которого смотрит куда-то в сторону. То ли он бывший боксер, то ли просто любитель кулачных поединков.

– Выходи, – сказал молодой человек и высморкался на пол.

По бесконечному темному коридору, уходящему, кажется, в преисподнюю, они молча тащились минут десять. Остановились у двери, обитой войлоком. Палыч приказал Джейн повернуться лицом к стене, поднять руки и расставить ноги. Обыскал ее с головы до ног. Помял зад, провел лапой по спине и пощупал упругие бедра. Мучительно хотелось обложить этого негодяя матом. Но в эту минуту, от волнения и отвращения, охватившего все существо Джейн, она не вспомнила ни одного ругательства на русском языке.

– Кре… Крепкая задница, – промычал Палыч. – Ещ… Еще будет время. На… на любовь. И всяк… всякое такое.

Он приоткрыл дверь и втолкнул Джейн в хорошо освещенную комнату, напоминающую следственный кабинет. Канцелярский стол, пара стульев и продавленный диван в дальнем углу. С потолка свисает лампочка в жестяном отражателе. Навстречу поднялся крепкий мужчина лет тридцати пяти. Румяное доброе лицо, прямой нос, ослепительная улыбка. Эту физиономию сам бог создал для того, чтобы она украшала обложки глянцевых журналов. Человек откинул назад прядь темных волос и посмотрел на пленницу чудесными фиалковыми глазами.

– Скажите этому омерзительному существу, – Джейн задыхалась от злости. – Скажите ему… Если тронет меня еще раз, хоть пальцем ко мне прикоснется… Я его убью. Не знаю как, но убью.

– Приношу извинения, – мужчина печально улыбнулся. – К сожалению, в тюрьмах и лагерях хорошим манерам не учат.

Завладев женской рукой, он расстегнул замок наручников, с чувством помял узкую ладонь. Усадив Джейн на стул, начал говорить. Звали человека Алексеем, он служит в одной государственной организации, название которой предпочел бы не называть. И о характере своей работы много распространяться он не имеет права. Но эта работа связана с национальной безопасностью страны.

В настоящее время Алексей и его коллеги заняты поисками опасного преступника, члена крупной террористической организации. С терроризмом, как известно, идет война. А на войне, как на войне. Да, с Джейн обошлись не слишком вежливо. Ее похитили, в кондитерской началась стрельба… И лишь потому, что неудачно, трагически, сложились обстоятельства.

– Тот тип, что меня лапал, тоже борец с терроризмом? – Джейн показала пальцем на дверь. – Кадровый офицер?

– Ни боже мой, – покачал головой собеседник. – Иногда мы нанимаем помощников из уголовников, которых используем втемную. Так нам удобнее. Они не знают, на кого работают. Не знают наших целей и задач. Этих людей интересуют только деньги.

– А вы, значит, борец за идею?

Кажется, Алексей последних слов не услышал.

– Мы живем в такое время, жестокое и беспощадное, – он рухнул на стул, будто поймал пулю, выпущенную террористом. – Иногда во имя спасения тысяч и тысяч невинных людей, приходится чем-то жертвовать. Да… Такие дела.

Алексей поднялся и, продолжая говорить, стал расхаживать по комнате. Иногда он садился на диван, зажимал ладонями колени, но долго на месте усидеть не мог. Снова вскакивал, будто в зад кололи чем-то острым, мерил шагами комнату и говорил. Некоторое время Джейн пыталась понять, о чем идет речь. Терроризм, война, испытания, жертвы… Эмоциональная болтовня была переполнена недомолвками и туманными намеками. Смысл слов ускользал, словно гладкий обмылок он вырывался из руки и пропадал в мутной воде. Когда Алексей сделал паузу и, плеснув в стакан воды, промочил горло, Джейн сказала:

– Пожалуйста, выражайтесь яснее. Я пережила несколько кошмарных дней и ночей. Я не знаю, где я нахожусь. Не знаю, что происходит. Не знаю, с кем разговариваю. Это как кошмарный сон. Только проснуться нельзя.

– Понял. Простите. Теперь буду краток.

Он разложил на столе военную карту и объяснил, это здесь территория Турции, а тут граница с Сирией. Вот относительно пустынные районы на востоке страны. Джейн наверняка сама пользовалась такой или почти такой же картой и понимает, о чем идет речь. Несколько месяцев назад один местный бизнесмен по имени Ахмед решил продать свой дом российскому гражданину Игорю Аносову. Особняк находится в пустынном месте, вдалеке от туристических маршрутов, больших городов и дорог. Там нет моря, нет отелей. Только горы и безводная равнина. Время остановилось в тех краях лет сто назад и с тех пор не двигалось. Неподалеку от дома расположено заброшенное селение, несколько десятков дворов. И ни одного жителя.

Почему Ахмед решил продать свой дом – понятно. Ему надоело одиночество. Вокруг сотни километров пустой выжженной солнцем земли. Полно шакалов и сусликов, а человека, с которым можно перекинуться словом, не встретишь. Не говоря уж о красивых женщинах. К слову, Ахмед выпускник Оксфорда, он эрудит, великий гурман и на свой манер философ. Впрочем, теперь об этом достойном человеке уместно говорить в прошедшем времени. Такие вот дела. Мужчина трагически погиб в рассвете лет.

Зачем Аносову понадобился дом, расположенный в такой глуши – тоже понятно. Ему пятьдесят шесть, он богат… Ему бы жить в шикарных отелях на лучших курортах мира. Но он давно не в ладах с законом. Его подозревают в особо тяжких преступлениях: убийствах, отмывании грязных денег, незаконной торговле оружием. Свой бизнес начинал с поставок нарко-

тиков из Афганистана, но потом сменил сферу деятельности. Помогал отстирывать грязные деньги бандитам.

Есть еще одна причина купить именно этот дом.

– Он не совсем обычный, – Алексей встал с дивана и пересел в кресло. – Большая часть сооружения находится под землей. Там же автономная электростанция, гараж на десять машин и много чего еще. У Аносова всего три-четыре охранника. Но в таком доме охрана не нужна. Потому что дом сам охраняет хозяина. Под землей – запутанный лабиринт комнат, которые сообщаются между собой. Из них скрытые ходы ведут на равнину. Есть один ход, прорытый к горной гряде. Этот рукотворный тоннель сообщается с природной пещерой. Она так запутана, что, бывало, в пещере без следа пропадали путешественники или пастухи, искавшие отбившихся от стада баранов.

Алексей встал и прошелся по комнате. Если хозяин особняка почувствует опасность и захочет уйти, он сделает это спокойно, без спешки. Аносов знает, что до него не доберутся. Даже если объект атакует полк солдат, – он уйдет. Ахмед, бывший хозяин, унаследовал дом от отца. Устроил там современную систему вентиляции, реставрировал особняк. Перед продажей дома Ахмед решил определить его точную стоимость. И пригласил профессиональных оценщиков.

Его адвокат связался с чикагской фирмой «Хьюз и Голдсмит». Там решили отправить в Сирию специалиста по недвижимости Джейн Майси. Около месяца она тщательно обследовала дом и прочие сооружения, нарисовала карты и схемы. Наконец, составила экспертное заключение.

– У вас есть информация, которая нужна настоящим патриотам России, – сказал Алексей. – Простите, я взял пафосную ноту. Но я не могу оставаться спокойным, когда разговор касается этой темы. Во всем мире идет война с терроризмом. Мы рассчитываем на вашу помощь.

– После того, что вы сделали? – Джейн почувствовала, что готова заплакать. – Меня похитили. Держат в этой помойной яме. И еще рассчитывают на мою помощь?

Алексей пропустил вопрос мимо ушей.

– Планы и чертежи, что оставались у бывшего хозяина дома, утеряны, – сказал он. – Ахмед погиб пару месяцев назад. На окраине Стамбула в одном из притонов, где курят гашиш, его пытали. Но он такой упрямец. Видимо, палачи не добились от него и слова правды. Бедняге перерезали голо. От уха до уха. Убийцам удалось скрыться. Добычей полицейских стал кривой турецкий кинжал, испачканный кровью. Наша последняя надежда – это вы. У вас феноменальная память. Вы можете восстановить все чертежи и схемы.

– Память у меня хорошая, но не уникальная, – покачала головой Джейн. – С Аносовым я немного знакома. Видела его пару раз, когда дом был уже продан. Уверяю вас, он не злодей. Он богатый человек, бывший бизнесмен, который отошел от дел. Я слышала, что у него развивается психическое расстройство. Он сторонится людей, не может долго находиться в толпе, на улице или в ресторане. Поэтому ищет уединения. Именно поэтому, из-за своей болезни, он выбрал этот особняк с подземными постройками и тайными ходами. Аносову кажется, что его дом самое спокойное место на свете.

– У нас другие сведения, – Алексей, опустив плечи, присел на стул. – Есть факты, которые подтверждают… Ну, вижу, у вас глаза слипаются. Продолжим разговор позже. Пока отдыхайте, набирайтесь сил.

Джейн снова повели тем же длинным коридором, на этот раз обошлось без унизительной процедуры личного обыска. Оказавшись в комнате, она сполоснула лицо ржавой водой, сочившейся из крана. Упала на деревянный настил койки и закрыла глаза, мечтая поспать до прихода соседки. Но сна не было.

* * *

Услышав телефонный звонок, Радченко взглянул на часы: без пяти одиннадцать. И подумал, что в это позднее время приличные люди уже не звонят, а если все же беспокоят, то исключительно по срочному делу. Дима услышал голос Лайзы, подруги Джейн, что приехала с мужем из Канзаса.

– Прости, что я не вовремя, – сказала она по-английски. – Но творятся какие-то странные дела. После исчезновения Джейн нам со Стивом не к кому обратиться. Кроме тебя.

– Что случилось?

– Не хочу говорить по телефону, – ответила Лайза. – Ты не мог бы заехать к нам прямо сейчас? Или встретимся на полдороге?

– Лучше последний вариант, – ответил Дима и объяснил, как добраться до пивного бара «Раритет». – Это хорошее место. Мы сможем спокойно пошептаться.

Он положил трубку, вышел из кабинета, завернул в ванную комнат и пустил воду из крана. Вода сочилась тонкой струйкой, Радченко успел вымыть руки и сполоснуть лицо, еще до того момента, когда вода совсем перестала течь. Он подумал, что за те бешенные деньги, что платит за аренду дома на Рублевском шоссе, мог бы получить исправную канализацию и воду. Но унитаз среди ночи извергал воздушные пузыри, издавал странные звуки, похожие на бормотание проснувшегося гейзера или подземной реки.

Радченко вернулся в свою спальню, покопавшись в стенном шкафу, выбрал видавшую виды кожаную куртку с косой молнией и протертыми локтями, башмаки из грубой кожи и джинсы. Уже одетый в коридоре он столкнулся с женой. В длинном стеганом халате она шла навстречу.

– Я думал, ты спишь, – сказал Дима. – Появилось пустяковое дело, скоро вернусь. Но ты меня не жди. Ложись.

– Я все-таки дождусь тебя, – Галя положила руки на плечи Димы и поцеловала его в щеку и в подбородок. – Не спрашивать: куда ты собрался? Или все-таки поинтересоваться?

Радченко врал легко и был готов к любому вопросу.

– Ответ тебя разочарует. В деле, которым я занят, нет ни роковых женщин, ни опасности, ни риска. Даже банальной интриги нет. Сплошная рутина и бумажная пыль. Сутяжный спор двух бизнесменов, которые делят, но не могут поделить бизнес. Несколько общих бензоколонок.

– До утра бензоколонки не подождут?

– Чем раньше закончу эту бодягу, тем скорее получу отпуск. И мы на две недели улетим в теплые края.

– Тогда езжай на машине. Ночью носиться на мотоцикле…

Радченко упрямо покачал головой:

– На машине ездит тот, у кого нет мотоцикла.

Через пару минут он вывел из гаража черный «Харлей», переключил передачу и рванул с места. Накрапывал мелкий дождь. В свете фонарей мокрый асфальт отливал золотом. Через полчаса он тормознул возле пивной «Раритет», установил мотоцикл на подставку и, сдернув с головы промокшую бандану, взобрался на высокое крыльцо. В заведении собирались байкеры, их подруги и все те, кто не равнодушен к жизни на двух колесах.

Играла музыка в стиле кантри, по стенам развесили постеры легендарных старых мотоциклов, под потолком слоился табачный дым, с которым не справлялась хилая вытяжка. Пиво лилось рекой. Бармен Борис Иванович, для своих просто Бор, высокий мужчина с длинными седыми волосами, выглядел усталым. Он сдвинул ковбойскую шляпу на затылок. Верный признак, что посетителей сегодня больше, чем обычно, а работы до утра будет много.

– Чего тебе? – спросил Бор вместо приветствия.

– Чего покрепче, на твое усмотрение, – ответил Радченко.

* * *

До появления Лайзы и Стива Дима успел многое. У барной стойки он влил в горло две порции водки с лимонным соком. За столиком в углу переложился парой кружек красного ирландского пива и съел куриную грудку под томатным соусом. Довольный собой, Радченко чувствовал, как тепло расходится в крови, наполняя душу энергией жизни. А легкое раздражение, оставшееся после разговора с женой, без остатка растворилось в этом тепле. Лайза и Стив появились в сопровождении адвоката Ильи Земского, унылого парня с портфелем из свиной кожи, распухшим до невероятных размеров.

Стив опустился на стул у окна, вытянул ноги и задал Диме несколько вопросов о судьбе Джейн. Ничего вразумительного Радченко ответить не смог, он позвал официантку в короткой кожаной юбке и прозрачной рубашке, завязанной узлом на пупке. И спросил четыре пива.

– Что случилось? – спросил Дима по-английски.

– Плохие новости, – ответила Лайза. Она смотрела на противоположную стену, но, кажется, ничего не видела. – Колю, мальчика, которого мы хотели усыновить, позавчера вдруг увезли из детского дома. Еще с ним было трое ребят. Сказали, что в областной центр на медицинское обследование. В тот же день обратно вернулись только три ребенка. А Колю оставили в какой-то амбулатории. Утром мы выехали на место вместе с адвокатом, – она кивнула на Земского. – В детском доме нам разрешили поговорить с какой-то воспитательницей, директор к нам не вышел. А та женщина толком ничего не знает.

– Удалось выяснить, куда отвезли мальчика? – спросил Радченко.

– Вот адрес, – Земский держал в руке мятый листок. – Онкологическое отделение областной больницы. Я звонил туда. Есть подозрение, будто у него опухоль мозга. Врач сказал, что мальчика задержат там на неделю. Если все будет нормально, привезут обратно. Ну, в интернат.

– Вот видите, нет причин для беспокойства, – Радченко улыбнулся через силу. Он чувствовал, что тревога за судьбу ребенка передалась и ему. – Просто медицинское обследование.

– Мы думали, ты сможешь помочь, – процедил Стив. – Мы не слишком богатые люди. Но готовы потратить деньги, что скопили на старость. Лишь бы усыновить мальчика. Он любит нас. А мы любим его. Помоги…

– Хорошо, – кивнул Радченко. – Постараюсь что-нибудь придумать.

Он подумал, что ехать в Калугу следует прямо сейчас. Ранним утром он будет в городе, а в первой половине дня, если повезет, закруглит все дела. И вернется назад.

Глава 5

Квартира отставного майора милиции Владимир Шаталова пропахла табачным дымом. Хозяин по случаю прихода Девяткина надел форменную милицейскую рубашку, вытащил из металлического шкафа, где хранил охотничье ружье, бутылку коньяка трехлетней выдержки. По дороге сюда Девяткин купил кое-какой закуски, прихватил бутылку породистого «Мартеля». И теперь сидел в старом неудобном кресле, ощущая мягким местом выпирающие наружу пружины.

– Поначалу я решил, что похищение Майси раскрутим быстро, – сказал Девяткин. – Свидетели составили композиционный портрет одного из похитителей, которого хорошо рассмотрели. А затем узнали его на фотографиях в одном из альбомов, который я им давал посмотреть. По всему выходило, что это некий Сотников он же Сотник. Опасный тип. Но на этот раз оба свидетеля ошиблись. Сотников отбывает срок в колонии строгого режима под Владимиром. Мы направили запрос в ГУИН и Министерство юстиции. И получили ответы. Ошибка исключена – Сотников мотает срок. И сидеть ему еще три года. Свидетели ошиблись, потому что внешность у него такая… Ну, похож на одного иностранного актера.

– Бывает, – кивнул хозяин дома.

– Потом бесследно пропал один из трех свидетелей, бывший милиционер. Сел в машину и укатил в неизвестном направлении. Объявили в розыск. Но результатов никаких. Тогда начальник следственного управлении и говорит: «Если у нас нет ничего, может, Шаталов что-нибудь посоветует».

– Последние десять лет службы в милиции, до самого ухода на пенсию, я занимался только экстрасенсами. Да, о них вспоминают, когда у следствия нет ни доказательной базы, ни свидетелей. Ни хрена нет, – дядя Вова расстелил на столе скатерть. – А из московской мэрии или, бери выше, администрации президента звонят большие начальники. Почему дело, о котором все газеты пишут, до сих пор не раскрыто? Таки дела… Когда похитили американку?

– Третья неделя пошла. Главное – бандиты не проявились. Не выдвинули никаких требований.

Шаталов посмотрел на свет рюмку, нежно подышал на нее и протер салфеткой.

– Третьею неделю? Это долго. Значит, бабу уже убили.

– Не думаю, – ответил Девяткин. – Действовали профессионалы. Пустили нас по ложному следу, выиграли время. Сами спокойно замели следы и скрылись. Не для того они пошли на делюгу, чтобы замочить иностранку.

– Есть несколько экстрасенсов, которые сейчас сотрудничают с милицией на постоянной основе. Ну, до того, как у меня начались неприятности с сердцем, я работал с некой Антониной Беловой. Собственно, я и притащил ее в милицию. Скажу так: она сегодня – лучшая.

– Серьезно?

– Была еще одна ясновидящая с потрясающими способностями. Полуслепая неграмотная старуха. Жила в деревне, где меньше десятка домов. В прошлом году ее убила молния. Осталась Белова. Мы вышли на нее случайно. Бывший муж Антонины устраивал ей что-то вроде концертов в клубах. Она там угадывала числа, которые на бумажках пишут зрители в зале. Искала потерянные вещи и всякое такое. Номера вроде тех, что в цирке фокусники показывают. Так совпало по времени, что про Белову пронюхали на центральном телевидении. Хотели сделать про нее большую передачу для первого канала. Уже отсняли кое-что, фрагменты концертов, интервью, еще кое-какой материал.

– Телевидение – это к неприятностям, – поморщился Девяткин. – По себе знаю.

– Вот и я про то, – дядя Вова вытащил из серванта посуду. – Если бы передача вышла в эфир, в течение одного вечера Белова стала известна на всю страну. И, разумеется, фанта-

стически разбогатела. К ней на прием записывались бы на год вперед. Люди последнее с себя продали бы, чтобы узнать, где их потерявшиеся дети. Но мы сумели остановить все это. Лично я ездил в Останкино. Я не мог сказать этим господам с телевидения: не делайте передачу. Если ее покажут, Белова будет навсегда потеряна для милиции. Человек, которого знает полстраны, к нашей работе непригоден. Но я не мог сказать этого напрямик. Впрочем, меня бы не послушали.

– И чего ты придумал?

– Я сказал, что к Беловой есть серьезные претензии по милицейской линии, – Шаталов протер салфеткой ножи и вилки. – Она воровка и мошенница. Возбуждено уголовное дело, дамочка скоро предстанет перед судом. А потом отправится в места не столь отдаленные. В санаторий, на казенные харчи. Я выложил на стол уголовное дело, которое по моей просьбе сварганили ребята из оперативно-розыскного отдела. Все это не совсем законно, ну, фабриковать документы и всякое такое… Но какое кому дело до бюрократических формальностей, когда речь идет о серьезных вещах.

– И что в итоге?

– Мне нужна была эта Белова. И я ее получил. В Останкино полистали так называемое уголовное дело. Сквозь зубы поблагодарили меня за ценную информацию и за помощь. Да… Ты бы видел кислые морды у телевизионных начальников. Передачу, сделанную наполовину, положили на полку. Вопрос был закрыт навсегда.

* * *

Джейн разбудил странный звук, кажется, мыши скреблись в стену. Это Королева Виктория, вернувшись из кочегарки, доедала ужин. Сидя за столом, она выскребала ложкой содержимое закопченного котелка. Покончив с кашей, вытащили из-за пазухи складной нож, отрезала кусок хлеба и намазала его горчицей.

– Чего валяешься? – Виктория заметила, что Джейн не спит. – Иди сюда.

Джейн поднялась, сполоснула лицо у рукомойника и села к столу. Аппетита не было, но хотелось перебросится словом с живым человеком. Она нацедила в кружку воды из чайника, от хлеба и каши, пахнувшей подгорелым маслом, отказалась.

– Чего нос воротишь? – нахмурилась Виктория и сама себе ответила. – Да, понимаю. На воле ты к разным деликатесам привыкла. Тебе колбасы свежей дай. Или икры. Это ты сожрешь. А простую пищу на дух не переносишь. Так?

– Мне нездоровится, – ответила Джейн. – И почему вы со мной разговариваете в таком тоне? Как с врагом?

– А кто ты и есть, поганка проклятая? Что б у тебя глаза лопнули.

Королева Виктория высунула язык в нездоровом белом налете, слизала горчицу с лезвия ножа. Минуту она неотрывно смотрела на Джейн. В прищуренных глазах пылали огоньки ненависти.

– Люди мне рассказали, почему ты тут оказалась. Что ж… Значит, есть божий суд. Значит, бог все видит. Ни одно злодеяние не ускользнет от его ока. Он, – Виктория подняла палец к потолку, – схватил тебя за жопу. Крепко схватил. И теперь уж не отпустит.

Джейн жалела, что встала.

– Что произошло?

– Ты все знаешь, гадина, без моих рассказов. Это ты заставила моего сына украсть деньги из банка. Ты его уговорила. Мол, поживем красиво. Как люди живут. А он, дурак, послушал. Это тебя он водил по кабакам. Тебе покупал бриллианты. Тебя на море в Крым возил. На солнце жопу греть. Из-за тебя его инвалидом сделали. А старуху мать засунули в бойлерную.

Подыхать от чесотки и гнить заживо. Вот чего ты, сука, наделала. Вот чего сотворила, проститутка дешевая.

Джейн опешила, едва не открыв от удивления рот, она смотрела на Викторию, стараясь понять, что случилось. То ли соседка перегрелась у топки, то ли ее накачали водкой, то ли дело обстоит гораздо хуже.

– Я никогда не видела вашего сына, – Джейн старалась сохранять спокойствие, но голос дрогнул. – Даже на фотографии не видела. Икру я не ем. А в Крыму ни разу не была. Успокойтесь, вам надо…

– Заткнись, мерзавка, – огоньки в глазах Виктории погасли. Зрачки сделались белыми от ярости, она пристукнула кулаком по столу так, что подпрыгнул тяжелый чайник. – Змея подколодная. И ты еще смеешь… Ты, тварь, довела меня до самого края. До этой помойной ямы. Моего сына в инвалидное кресло посадила. Кусок заразы – вот ты кто.

– Я не хочу слушать этот бред, – Джейн отодвинула кружку с водой.

Виктория привстала, схватила со стола нож. Джейн, опрокинув табурет, вскочила на ноги. Она не сводила взгляд с ножа, зажатого в черном от угольной пыли кулаке. И медленно пятилась к стене, будто там ее ждало спасение. Ножик неновый, но, видно, сделан из настоящей стали. Остро заточенное лезвие, широкое и длинное, фиксируется специальным ступором. Такой штукой корову можно зарезать, а уж человека – раз плюнуть.

* * *

Дядя Вова и Девяткин устроились за столом в большой комнате, где из окна видны голые деревца и пара девятиэтажных домов через дорогу. Хозяин сказал, что врачи запретили злоупотреблять, но правила для того и придумывают, чтобы их нарушать. Иначе зачем нужны эти чертовы правила? Рюмка коньяка для больного сердца все равно, что чистый мед. Сплошная польза, плюс хорошее настроение. Он поставил на стол плошку с огурцами и помидорами и украсил овощи веточкой зелени. Потому что в душе всегда оставался неисправимым эстетом. Середину стола заняла курица с картошкой, запеченной в духовом шкафу.

– Как ты знаешь, в штатном расписании МУРа нет должности: «ответственный за работу с экстрасенсами», – Шаталов разрезал курицу на несколько частей и облизнулся. – И не все работники центрального аппарата догадываются, что с милицией сотрудничают люди с неординарными способностями. А ведь такая работа ведется давно. Началась она сразу же после второй мировой войны. Если дело громкое, например, убийство какой-то известной персоны или политическое преступление, могут создать группу из работников прокуратуры и уголовного розыска. И к работе подключат экстрасенса. А надо, – двух или трех.

– И много таким Макаром дел нащелкали? – Девяткин подсел к столу.

– Да уж немало. Помнишь некоего Кобзева? Ну, этот тип, полный отморозок и урод, в своем подземном бункере мучил и убивал женщин. Жертвам от двенадцати до семидесяти лет. В суде удалось доказать только восемь эпизодов, то есть восемь трупов. На самом деле, жертв гораздо больше. В газетах писали, будто этого подонка выследили менты. Что мы якобы провели упорную, кропотливую работу, прочесали мелким гребнем все Подмосковье. Ночевали в засадах, пахали по двадцать часов в сутки. Сначала вычислили район неподалеку от Москвы, где убийца устроил камеру пыток. Потом выследили его самого. И так далее. Художественный треп… Район, где искать убийцу, а потом и точное место пыточной камеры, указала Белова.

– Припоминаю… Делом, кажется, занималась прокуратура. В суде было закрытое слушанье. На этом настояли родственники убитых.

– Точнее, работала объединенная бригада: три сотрудника МУРа, в том числе и я. И еще следователи прокуратуры. У нас не было ничего, только несколько изуродованных полуобгоревших трупов. Точнее, фрагменты тел. Одной из жертв оказалась дочка большого человека со

Старой площади. Подключили лучших сыщиков, но результат был нулевым. Тогда вспомнили о Беловой. Сначала ничего не двигалось. У Беловой есть один недостаток: она плохо чувствует людей или вещи, если те находятся под землей. С трудом находит захороненное тело или предмет. А камера пыток Кобзева находились на глубине четырех метров.

– Кобзева расстреляли?

– Он отбывает пожизненное заключение в тюрьме особого режима. А для уголовного дела, что было направлено в суд, мы нашли липовых свидетелей. Из наших нештатных осведомителей и других заинтересованных граждан. Один мужчина якобы видел, как Кобзев дождливым вечером остановил машину на проселочной дороге. И посадил девушку, которую впоследствии нашли убитой. Другой человек видел, как Кобзев закапывал труп. Третий еще что-то видел. Ну, не могли мы Белову подставлять. Если бы судья и заседатели узнали, что Кобзева нашли при помощи экстрасенса, его освободили бы прямо в зале суда. И сняли все обвинения. А Белова по-прежнему нештатный сотрудник милиции.

Дядя Вова, потирая ладони, стал раздумывать, какую бутылку приговорить первой, а кукую на потом оставить. Решил начать с благородного французского коньяка. В былые времена Шаталов мог перепить кого угодно, но теперь, – отметил про себя Девяткин, – годы взяли свое. Первую рюмку опрокинули за встречу, вторую за здоровье, третью за гостя… Девяткин почувствовал, что его щеки разрумянились, а кровь побежала быстрее. Дядя Вова выглядел так, будто капли в рот не брал, – трезвее трезвого.

– По-человечески мне даже жаль эту Белову, – он захрустел соленым огурцом. – Что есть ее способности? Это дар божий или проклятье? Она живет в своем странном пугающем мире. В мире видений, полуфантастических полуреальных. За те двенадцать лет, что Антонина сотрудничает с нами, она насмотрелась разных картинок. Такое видела, отчего у крепкого мужика крыша поедет. Однажды она сказала мне, что эти образы живут в ней, остаются зримыми.

– Это как же?

– Она видит расчлененные трупы, тела, сожженные на кострах, в ямах, в бочках из-под удобрений или мазута. Видит людей, от которых не осталось ничего кроме старых истлевших фотографий. Она видит женщин, зарубленных ревнивыми мужьями. Трупы, растворенные в концентрате серной кислоты. Тела утопленные в реках, съеденные рыбами. Видит морды маньяков, жестоких убийц, насильников, садистов… Всего не перечесть.

Девяткин попробовал баклажаны с орехами, изготовленные лично дядей Вовой и в знак восхищения поцокал языком.

– М-да, этой барышне не позавидуешь, – сказал он.

– Она живет в аду, – Шаталов зацепил вилкой кусок соленой рыбы. – Не понимаю, почему Белова до сих пор не сошла с ума. Или не покончила с собой.

– Как она может видеть, например, сгоревших мертвецов, от которых горстки пепла не осталось? – Девяткин положил в тарелку салата, на вид очень аппетитного, с морковью и сладким горошком. – Как все это устроено, то есть…

– Ты хочешь спросить: как все это получается, как работает мозг Беловой? – уточнил Шаталов. – Ее мозги – это не механизм швейцарских часов. Это гораздо сложнее. Если бы я знал ответы, давно получил Нобелевскую премию. Уехал как можно дальше от этого сумасшедшего дома под названием Москва. И выращивал камелии и розы в каком-нибудь чудесном месте земли. Желательно рядом с морем.

– Но ведь существует какое-то объяснение…

– Мы обращались к ученым, в институт имени Сербского. Феномен Беловой изучали лучшие специалисты страны. Эту женщину обследовали под микроскопом: ее кровь, записи биотоков головного мозга и так далее. Ты можешь затребовать все медицинские документы. И неделю читать разные выписки и справки, спотыкаясь на непонятных терминах. В итоге, когда разберешься, узнаешь, что с точки зрения современной науки Белова нормальный человек без

ярко выраженных отклонений и патологий. Я знаю одно: она не впадает в транс, не бьется в припадках. Она просто рассказывает о том, что видит. Или видела. Так человек, вернувшись из отпуска, рассказывает о курортных впечатлениях. Если ты хочешь знать, каков процент раскрытых с ее помощью преступлений, отвечу: сорок на шестьдесят. Не в пользу Беловой.

– Сорок процентов… Хм, это неплохо.

– Для начала предоставь ей все материалы, собранные по делу. Не дави на нее, не торопи, отнесись к человеку уважительно. А там уж как кривая вывезет.

Девяткин вышел на улицу, когда окна в домах уже гасли. Он поймал такси и, устроившись на заднем сидении, подумал, что с дядей Вовой по-прежнему трудно тягаться. Он в прекрасной форме по части выпивки. И, пожалуй, мог бы отпахать в милиции еще лет десять, но молодые парни дышат в затылок, рвутся в бой. Положено уступать дорогу. Хотя и не хочется.

* * *

Виктория держала нож крепко. Положив большой палец на край лезвия, она готовилась нанести прицельный удар, от которого не будет спасения. Лучше всего попасть в живот, ударить сверху вниз, распоров брюхо от лобка до ребер. Если эта тварь не подохнет сразу, то истечет кровью за пять или десять минут, а то и быстрее. Конечно, с другой стороны двери может оказаться случайный человек, ну, хотя бы малый, что приносит пищу. Поэтому нужно все сделать тихо. Виктория положит свою подушку на лицо раненой. А сама сядет на подушку сверху. И станет смотреть, как корчится в предсмертных мучениях эта подлая развратная сука, погубившая единственного сына.

Джейн остановилась, уперевшись спиной в стену. Дальше отступать некуда. Рука с ножом пошла снизу вверх. Джейн выбросила вперед левую руку, успев перехватить запястье Виктории и со всей силы крутануть предплечье по часовой стрелке. Виктория, не ожидавшая такого сопротивления, вскрикнула. Но ножа не выпустила. Левой рукой без замаха ударила Джейн открытой ладонью в глаз. Та вскрикнула от боли, ослабила хватку.

– Зараза, – прошипела Виктория. – Недолго тебе осталось…

Виктория пнула своего противника носком башмака в голень. Вырвала руку с ножом, отвела ее за спину. И снова попыталась ударить снизу вверх, метя лезвием в низ живота. Джейн закричала от боли в ноге и страха, который сильнее боли.

Но все же успела захватить предплечье Виктории двумя руками, крутанула его изо всех сил. Королева Виктория ударила Джейн головой в нижнюю челюсть. Облезлый потолок поплыл перед глазами, пол накренился в сторону. Джейн не выпустила руку с ножом, напротив, крепче сжала ее и дернула на себя. На этот раз тонко закричала сама Виктория. И лягнула соперницу костяным коленом в бедро. Через мгновение женщины оказались на полу. Виктория навалилась сверху, оседлав Джейн, сжала бедрами ее грудь. Королева вырвала руку, занесла нож над головой. Сейчас она метила в горло.

– Сука, умри же…

Джейн подумала, что сил остается немного. Пожалуй, эту схватку она проиграла. Но есть последний шанс, он всегда остается… Джейн, что есть силы ударила Викторию кулаком в грудь слева, а справа в нижнюю челюсть. Затем оттолкнулась от пола ногами, пытаясь перевернуться на бок. Но ничего не получилась. Виктория лишь зарычала, Джейн снова ударила, кулаком наотмашь по лицу. В ту же секунду замигала лампочка над дверью. Загорелась ярче и вдруг погасла. Что-то металлическое упало на бетонный пол, это нож вывалился из раскрытой ладони. В ту же секунду Виктория всей массой навалилась на сверху, прижала к полу. Схватила за волосы, рванула голову на себя, затем оттолкнула.

Джейн ударилась затылком о бетонный пол и увидела в наступившей темноте, как перед глазами рассыпался и замигал разноцветными огоньками праздничный фейерверк. Виктория

крепко ухватила свою жертву за шею, стиснула твердые, будто сделанные из металла, пальцы. Джейн захотела закричать, позвать на помощь. Может быть, ее крик услышит человек, что топчется в коридоре и иногда заглядывает в комнату через глазок. Лампочка загорелась и снова погасла. Затем свет вспыхнул ослепительно ярко. Лицо Виктории, перепачканное угольной пылью, оказалось совсем рядом. Она дышала прерывисто и тяжело, с нутряным свистом, дышала прямо в полуоткрытый рот Джейн.

– Умри, гнида, – хрипло прошептала Виктория, с новой силой сжала горло своей жертвы. – Ну, ну… Давай… Сдохни…

Теряя силы, Джейн шарила рукой по полу. Нож должен быть где-то здесь, рядом слева. Лампочка часто замигала и совсем погасла. В тишине было отчетливо слышно, как пыхтит Виктория, сдавливая горло ненавистной суке в человеческом обличии. Но вот за дверью раздались чьи-то шаги. Лязгнул засов. Или эти звуки лишь послышались Джейн? Она ловила воздух широко раскрытым ртом, но воздуха не было. От напряжения носом хлынула кровь.

Джейн подумала, что скудный запас сил иссяк окончательно, никто ее не услышит, не придет на помощь. Потому что сил не осталось даже на этот последний крик. Она попыталась выплюнуть кровь, заполнившую рот, но закашлялась. Онемевшей рукой еще раз провела по бетонному полу. Кончики пальцев наткнулись на что-то твердое и острое. Кажется, лезвие ножа… Тяжелые веки сомкнулись, не было возможности их разлепить. Лампочка вдруг мигнула и погасла. В это короткое мгновение Джейн увидела черный абрис человеческой фигуры, наклонившийся над Королевой Викторией.

– А-а-а-а. А-ам-ам…

Кто это крикнул? Звук прокатился под сводчатым потолком комнаты, эхом разнесся по коридору, вернулся обратно и наконец стих. Тело Виктории обмякло, пальцы, сдавливающие шею, потеряли твердость. Джейн почувствовала, что ее кофточка залита какой-то жидкостью, горячей и липкой. Королева Виктория прижалась к Джейн мокрой щекой. Сбросить с себя грузное тело труднее, чем сдвинуть гору. Джейн сделала глоток воздуха, вдохнула еще раз и лишилась чувств.

* * *

В тот день удача не улыбнулась Диме Радченко. Все утро он мотался по коридорам казенных учреждений. Переходя с этажа на этаж, он обошел десяток кабинетов, стараясь выяснить, куда и с каким диагнозом госпитализирован воспитанник детского дома «Солнечный круг» Коля Степанов. Дима перекусил в закусочной, что выходила окнами на рыночную площадь. Он жевал бутерброд, через запотевшее стекло витрины наблюдая, как мокнет под дождиком мотоцикл. И раздумывал, куда бы направить стопы.

Поскольку ни в комитете образования, ни в комиссии областной думы по здравоохранению даже не подозревали, что такой ребенок существует на свете, придется зайти с другого конца. Допив кофе, Дима позвонил старому приятелю Анатолию Васильеву, большому человеку в областной коллегии адвокатов. Васильев имел частную практику в Калуге и лично знал половину города.

Вскоре Дима остановил мотоцикл возле двухэтажного здания, два века назад принадлежавшего богатому купцу. Вбежал наверх по широким ступеням крыльца. И через пару минут сидел в кресле напротив румяного мужчины неопределенных лет.

– Я навел справки, – хозяин кабинета вытащил из стола коробочку конторских скрепок, вывалил их на столешницу и стал перебирать пальцами, будто что-то искал. – Но лучше бы я этого не делал. Теперь вопросов стало еще больше. А ответов меньше.

– Вот как? – Радченко удивленно вскинул брови.

– Почему ты вдруг озаботился поисками какого-то сироты? – спросил Васильев.

– Долгая история, – ответил Радченко, решив, что все подробности дела не следует доверять даже старому приятелю. – Я действую в интересах своих клиентов. Это дело об усыновлении ребенка иностранцами.

– Пока ты сюда ехал, я сделал несколько звонков компетентным людям, – сказал Васильев. – Странная эта история. Коля Степанов – воспитанник детского дома под номером такимто, у него есть еще и название «Солнечный круг». Якобы последние пару дней мальчик жаловался на головные боли, плохо спал. Тут я сделаю одно замечание. Получить направление на обследование ребенка в областной больнице – дело трудное. Особенно – если этот ребенок сирота. Но тут мы наблюдаем просто чудеса оперативности.

– То есть?

– Едва Коля успел пожаловаться на головные боли местному фельдшеру, как тот уже связался с областным комитетом здравоохранения, – сказал Васильев. – Оттуда в интернат прислали машину за Колей и еще тремя детьми, которые тоже жаловались на здоровье. Детей отвезли в областную больницу в Калугу. На следующий день тех троих воспитанников вернули в «Солнечный круг», потому что не нашли ничего серьезного. А Степанов еще сутки оставался в отделении онкологии. Якобы ему там делали какие-то анализы. А на второй день его отправили в московскую больницу. Там есть специальная аппаратура для исследования опухолей мозга. Вот адрес больницы.

Васильев положил на стол листок бумаги и продолжал рассказ. Он говорил тусклым бесцветным голосом, не глядя на собеседника. Одновременно адвокат собирал цепочку из конторских скрепок, цепляя одну за другую. Когда работа была готова, все скрепки использованы, он неторопливо начинал отцеплять одну от другой, разбирая цепочку. И так до бесконечности.

– Попахивает идиотизмом или мистикой, – вздохнул Васильев. – Дети растут в сиротском приюте, как чертополох на свалке. Их никто в упор не видит. Их не замечают годами. И вдруг такое трогательное внимание к отдельно взятому сироте. С чего бы? Откуда взялась эта чуткость, эта забота о судьбе брошенного ребенка? Сроду не наблюдал такого явления. И плюс оперативность. Больные дети ждут анализов неделями, а то и месяцами. А тут и ждать не надо. Действие разворачивается со скоростью света. Я уж не говорю о том, что обычным больным получить направление в профильную московскую клинику – задача архи сложная. Решается она через знакомства или взятки. А Коля уже в Москве. И его консультирует какой-то именитый профессор. Может быть, будущие приемные родители способствовали этому чуду?

– Ни в малейшей степени. Лайза и Стив последний раз видели Колю шесть дней назад, – Радченко, крутил на пальце брелок на стальном кольце. – В этом детдоме свидания разрешены не чаще, чем раз в неделю. Короче, никаких жалоб на головные боли и бессонницу в помине не было. И вдруг закрутилась эта музыка.

– Что ж, желаю удачи, – Васильев снова собирал цепочки из скрепок. – Если есть возможность, откажись от этого дела. Плюнь на него и забудь навсегда.

– С чего это вдруг?

– Я привык доверять своей интуиции, – ответил Васильев. – Она подсказывает мне, что за всеми этими манипуляциями скрывается скверная история. И очень опасная.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, скажем, похищение ребенка с целью трансплантации внутренних органов. Или еще что-нибудь. Пострашнее. Нечто похожее случилось в одном областном детдоме, когда оттуда якобы сбежали три мальчишки и одна девочка. Через месяц в соседней области их трупы нашли в заброшенном канализационном коллекторе. Еще у живых детей удалили все, что только можно удалить. Печень, почки, глазные яблоки… А следователь прокуратуры, который слишком рьяно раскручивал преступление, погиб при невыясненных обстоятельствах. Через год розыскное дело списали в архив. С резолюцией: «В связи с невозможностью найти подозреваемых». Якобы эти подозреваемые, иностранцы, скрывались за границей.

– Страшные истории только возбуждают воображение.

– Все шутишь? – усмехнулся Васильев. – Пора стать серьезным человеком. Сейчас можешь заехать в больницу, откуда мальчика отправили в Москву. Там есть один человечек, который ходит на воле, потому что я очень за него хлопотал. Он даст тебе копию направления Степанова на обследование и лечение в московскую клинику. Эта бумажка пригодится.

Радченко спустился вниз, застегнул «молнию» куртки и забрался в седло мотоцикла. Он подумал, что исчезновение мальчика может быть как-то связано с похищением Джейн Майси. Если Колю удастся найди, это будет… Радченко не довел мысль до конца. Выжал газ и рванул с места.

Глава 6

Дима Радченко оказался в приемном покое одной из московских больниц, когда солнце уже сползало за крыши домов, а город накрыли первые сумерки. Перед визитом сюда, Радченко успел заскочить домой, сменив кожаный прикид байкера на приличный костюм и плащ, а мотоцикл на темный седан.

Дежурный врач долго разглядывал копию направления Коли Степанова, листал регистрационный журнал. Наконец поцокал языком и сказал, что ничем помочь не может. Мальчика с таким именем и фамилией в онкологическое отделение не поступал. В ответ Радченко выложил на стол удостоверение члена Московской коллегии адвокатов. А рядом бросил визитную карточку самого скандального московского журналиста, перед которым трепетали даже сильные мира сего. Этот козырь бил все карты.

– Если мальчик не найдется, мой друг приедет сюда прямо сейчас, – с мрачным видом пообещал Дима. – И вся эта темная история попадет в газеты. Легким испугом ни вы, ни ваше начальство не отделается. Это я обещаю.

Сидевший за столом врач положил в рот мятную конфетку. И стал дышать в сторону, чтобы посетителя не накрывало облако свежего водочного перегара. Он снизу вверх поглядывал на Радченко, взвешивал шансы и просчитывал варианты. Блефует этот черт или говорит правду – вот вопрос. Скорее всего, врет, как и все адвокаты. Тот журналист не станет мотаться по городским больницам в поисках сенсаций. Всем известно, что он кусает только того, кого велят тяпнуть его хозяева с Лубянки. Обливает дерьмом тех, кого велено облить дерьмом.

А если посетитель все же не блефует? Поди, разберись. Особенно с пьяных глаз. По виду этот Радченко – серьезный господин. Дежурному врачу мучительно захотелось добавить еще сто пятьдесят водки. И заполировать это дело бутылочкой пива.

– Вы вот что: садитесь на диванчик и ждите. А я сейчас… Постараюсь навести справки. Такое иногда случается: больной поступил, а в журнале регистраций отметки нету. Ну, забыли в спешке записать.

Врач решил, что в эту историю ему не надо ввязываться. Пусть отдуваются те, кто притащил сюда мальчишку. А он человек маленький, неприятности ему без надобности. Вызвав на пост медсестру, он вскочил с места и потерялся в бездонной темноте коридора.

Радченко так долго сидел на диванчике возле входной двери, что потерял счет времени. Наконец явился тот же дежурный врач и, подхватив посетителя под локоть, потащил его через бесконечный лабиринт переходов и лестниц. Оставив Диму перед дверью с табличкой «заведующий отделением», дежурный врач исчез. А Радченко, переступив порог кабинета, столкнулся с грузным человеком с черными узкими усами и глазами карточного мошенника. Человек был одет в мятый халат, на голове косо сидела медицинская шапочка.

Помяв руку посетителя в своих больших теплых ладонях, врач представился: Рахат Бесиков. В данный момент исполняющий обязанности заведующего онкологическим отделением. К месту и не к месту исполняющий обязанности заведующего кивал головой. И вставлял в разговор бессмысленную фразу «как полагается».

– Врач в отпуске, все как полагается, – Рахат все не выпускал руку Радченко. – А я так сказать… Ну, как полагается, заменяю его на этом высоком посту. Жалоб от больных, как полагается, нет.

Он внимательно прочитал удостоверение Радченко, упал в кресло, вытащил из-под стола графин толстого стекла. Нацедил в стакан желтоватой несвежей воды и прикончил сомнительную жидкость в два глотка. Дима присел на край стула, ожидая, когда Бесиков снова обретет способность говорить. Но тот молчал, только тяжело дышал, вытирая носовым платком капли

воды со столешницы. Потом снял с головы шапочку и стал мять ее пальцами, как пекарь мнет лепешку свежего теста.

– Я так понимаю, что мой подопечный Николай Степанов был направлен и поступил в ваше отделение, – Радченко нарушил затянувшееся молчание. – Мне вся эта канитель кажется немного странной. Здоровый мальчик – и в одну минуту определили, что у него онкологическое заболевание. Будущие приемные родители мальчика утверждают, что он здоров. Ну, относительно здоров.

В ответ Бесиков дважды кивнул головой, мол, все правильно.

– Я представляю интересы Коли, – продолжил Радченко. – Теперь я хочу узнать, что за болезнь у ребенка. По какому, так сказать, поводу затеяли обследование.

– Ну, мне ответить трудно, какие у ребенка были жалобы, – разговор давался врачу тяжело. Рука тянулась к стакану, другой рукой он вытирал со лба испарину. – Мальчик ведь поступил к нам только вчера. Мы, как полагается, не успели сделать никаких анализов. Ничего ровным счетом. Теперь на ваши вопросы наверняка ответит только патологоанатом. Как полагается.

– То есть?

– Этой ночью у ребенка развился отек легких. Он потерял сознание. И скончался. Несмотря на все старания наших врачей.

Минуту Радченко сидел с полуоткрытым ртом.

– Так вы не знали? – спросил Бесиков. – Ну, не знали об этом? Надо же… А я думал, знаете. Думал, все как полагается.

Радченко промолчал. Бесиков, влив в горло еще один стакан воды, рассказал скупые подробности смерти ребенка. И добавил, что о причинах трагедии можно только догадываться. Все произошло слишком быстро. Начались боли в области груди, развился отек легких… У детей с отягощенной наследственностью опухоли мозга могут развиваться быстро, очень быстро. Такого рода злокачественные образования дают много побочных весьма болезненных эффектов. Летальный исход в этом случае – скорее закономерный финал, чем исключение из общего правила. Труп мальчика отправлен в городской морг, поскольку больничный морг в данный момент на ремонте.

– Вы только не волнуйтесь, – добавил врач. – Вскрытие произведут в срок. Все как полагается. Только не волнуйтесь. Как адвокат, вы наверняка сможете присутствовать при вскрытии. Ну, если, конечно, захотите… А тот известный журналист и вправду ваш друг?

Радченко кивнул и вышел в коридор.

* * *

Через пару дней Джейн сидела в том же кабинете, где некоторое время назад разговаривала с симпатичным мужчиной по имени Алексей. На этот раз ее собеседником оказался сухопарый дядька лет пятидесяти пяти, седой, с вытянутым лицом и высокими лобными залысинами. Человека звали Николаем Макаровичем. Беспокойными пальцами он теребил узел галстука, будто тот сильно сдавливал шею, и поправлял очки в металлической оправе.

– Вчера с одной знакомой ужинали в ресторане «Одонис», это в центре Москвы, – Николай Макарович смежил веки, будто представил вчерашнее застолье и сексапильную брюнетку в платье с вырезом до пупка. Девчонка оправдала все его ожидания, даже сверх того. – Омары там просто чудесные. Свежайшие. Очень рекомендую это заведение. Вы какую кухню предпочитаете? Французскую?

– Мне можно не отвечать или… Или я обязана поддерживать светскую беседу?

– Можете не отвечать. Просто хотел с вами познакомиться поближе. Разговор удобно начинать с кулинарии.

– Особенно с человеком, который вот-вот упадет в голодный обморок. У вас есть чувство юмора. Специфическое.

– Скоро вы убедитесь, что мы не враги. Скорее наоборот.

– Долго ждать придется.

Человек не торопился с вопросами. Некоторое время разговор топтался на теме погоды, которая в Москве совсем испортилась. Зимы сделались слякотными, а весна – лишь продолжение зимы. Собеседник оказался человеком информированным, он вскользь упомянул отца Джейн. Сказал, что джентльмен в его-то годы не отошел от дел. Отлично выглядит и до сих пор играет в гольф. Джейн подумала, что сейчас они коснуться выкупа, который старик должен заплатить за дочь, если, конечно не хочет, чтобы она умерла страшной смертью. А иначе – видеозапись ее казни попадет в руки отца. Когда он посмотрит это кино с кровью и криками, наверняка надолго потеряет спортивную форму. И еще не скоро выйдет на поле для гольфа. Неужели Джейн так жестока, так бессердечна?

Монолог продолжался, но слова «деньги» и «выкуп» не прозвучали. Николай Макарович вспомнил, что дочь Джейн Кристина – прекрасный ребенок. Она красива и талантлива, видимо, это наследственные черты. Кристина ждет мамочку дома в Чикаго, наверное, она, бедняжка, очень соскучилась. Закруглив лирическое отступление, Николай Макарович подергал галстук и перешел к делу.

– У вас было время подумать, – сказал он. – Все взвесить и принять верное решение. Итак, нам нужны план или схема того дома. Расположение комнат, ходов, подземных галерей. Вам не составит труда восстановить по памяти чертежи. Вся эта музыка займет три-четыре дня. А потом – свобода. Вы вернетесь обратно к своей жизни, к своим делам. К своей дочери и отцу. И забудете все плохое. Согласитесь, это достойное предложение. Хотел бы услышать ответ прямо сейчас. Утвердительный ответ.

– А если я скажу «нет»?

– Мы дадим вам еще время на раздумье. Скажем, дня два-три. Но это крайний срок.

– Через пару дней я сойду с ума. Я не могу думать, не могу есть, не могу спать. В комнате совсем нет воздуха. Воняет свежей краской и мазутом.

– Сочувствую, – Николай Макарович сердито подергал узел галстука. – Если через три дня вы ничего не вспомните, вам введут в вену так называемую «сыворотку искренности». Наверное, слышали об этом препарате. Он снимает все внутренние запреты, все табу. Человек отвечает на вопросы правдиво. В этом состоянии вы будете допрошены. А затем с помощью моего помощника выполните все чертежи. «Сыворотка искренности» – это химическое соединение. Лично я не поклонник химии. Предпочитаю старые проверенные методы. Молоток, зубило, щипцы…

– Я не помню точное расположения комнат и подземных галерей. А приблизительные данные вас наверняка не интересуют.

– У вас феноменальная память. Вы помните не только расположение проклятых комнат. Вы помните все мелочи, любой закоулок этого дома. На какой стене висит ковер ручной работы, где стоит напольная ваза и прочее. У нас есть другой источник информации. Все ваши данные будут перепроверены.

– Я еще не сказала «да».

– Лучше подумайте вот о чем: по существу, я скрываю от правосудия убийцу. И сам становлюсь соучастником гнусного преступления. Да-да, в какой-то мере я сам – преступник… Викторию или как там, ее убили вы. Не я, а вы. Представления не имею, на какой почве возникла ссора. Мне не известен мотив убийства. Но факт остается фактом: вы зарезали несчастную всеми брошенную женщину. Говорят, она работала тут кочегаром. И некоторое время жила с вами в одной комнате. М-да… Паршивая история. Паршивей некуда.

Надо что-то отвечать, Джейн подумала, что она плохо понимает вопросы и плохо слышит свои же ответы. Будто говорит вовсе не она, а чужой человек. Душой завладело чувство близкой опасности. Казалось, будто она стоит над самым краем пропасти, боится глянуть себе под ноги, потому что дна у пропасти нет. Только где-то внизу плавают легкие прозрачные облака, похожие на клочья тумана. Тело налилось такой тяжестью, но отступить от края, сделать шаг назад она не в силах. Под башмаками крошится и сыплется рыхлый грунт, летят вниз мелкие камушки. В спину дует ветер. Он налетает порывами и толкает вперед. И нет уже сомнений, – сейчас сорвешься вниз. Но что-то еще держит, что-то не дает ногам подогнуться.

– Я не помню момент убийства, – сказала она. – Погас свет, я потеряла сознание. Очнулась на полу комнаты, вся залитая кровью. Свет горел. Рядом лежала эта женщина. Я даже не поняла, жива она или… Ножа нигде не было. Потом появились какие-то люди и выволокли тело в коридор. На следующий день в камеру принесли вещи, которые сейчас на мне. Я смогла помыться в корыте. Потом перевернула всю комнату вверх дном. Но ножа не нашла.

– Нож у меня, на нем ваши пальцы. И запекшаяся кровь. Еще есть видеозапись вашей драки с погибшей женщиной. В момент, когда вы ударили ее ножом, погас свет. Но это не имеет значения. Нож и пленка – прямые неоспоримые доказательства вашей вины. Можно устроить так, что орудие убийства окажется в следственном комитете МВД. У нас в стране есть колония, где отбывают срок иностранцы. Условия содержания заключенных там ничем не лучше, чем в обычных тюрьмах и лагерях. Такой женщине как вы будет чертовски трудно выдержать даже короткий срок. А вы останетесь там надолго.

– У меня будет хороший адвокат…

– Хороший адвокат вряд ли поможет. В любом случае ваше будущее видится мне только в темном свете. Пока будет идти следствие, а эта процедура у нас растягивается на долгие месяцы, даже на годы, вы будете сидеть в тюрьме. Ждать суда. А в тюрьмах женщины частенько накладывают на себя руки. Или быстро угасают от болезней. Неужели вам хочется болтаться в петле? Или умереть другой, еще более мучительной смертью? И ради кого, ради Аносова? Этого маргинала, преступника… Вы покрываете убийцу, террориста… Зачем? И кто вам больше дорог: этот отброс общества или старик отец и ваша дочка. Ее сердце разобьется, когда она узнает о смерти матери.

Николай Макарович прикурил сигарету и, пустив в потолок струю дыма, наблюдал за эффектом, который произвели его слова. Из глаза Джейн выкатилась слезинка и, прочертив по щеке блестящую полоску, повисла на подбородке.

– Не могу смотреть на женские слезы. Это для меня – самая изощренная пытка. Приведите себя в порядок. Умойтесь. В углу раковина и полотенце.

Николай Макарович поднялся с места, положил перед Джейн безупречно чистый носовой платок. Лязгнул дверной засов и наступила тишина.

* * *

Территорию морга отделял от внешнего мира забор из почерневшего от времени кирпича и ворота, сваренные из кусков листового железа. Радченко жал на кнопку звонка до тех пор, пока скрипнули петли. Появился человек в несвежем медицинском халате, поверх которого был надет клеенчатый фартук. Человек спросил имя посетителя, поманил его пальцем за собой.

За воротами стоял приземистый двухэтажный корпус, похожий на старинный особняк. На ходу Радченко достал бумажник и вложил в лапу санитара пару крупных купюр. Тот сунул деньги за пазуху и, остановившись под козырьком парадного подъезда, сказал:

– Здесь нельзя находиться посторонним. Не допускаем родственников и знакомых на пушечный выстрел. Даже если мент приехал, нужна специальная бумага. В случае чего, ну, если спросят, скажете, что вы ассистент профессора Казанцева. А теперь пошли.

– В подвал?

– Что, уже бывали здесь? – обернувшись, спросил санитар и оскалил в улыбке порченные табаком мелкие зубки. – Невеселое местечко. Только побыстрее, пожалуйста. У меня сегодня еще три вскрытия.

– Что, много работы?

– Точно, работы через край, – кивнул санитар. – Особенно в последнее время. Мертвяков везут пачками. Как мусор на свалку. Бродяжки, бомжи, – эти нам достаются. А приличные люди сюда не часто попадают.

Спустились в полутемный подвал и медленно двинулись по коридору. Буквально полчаса назад давний клиент Радченко, знаменитый на всю страну врач позвонил в морг и попросил, чтобы адвокату оказали всю возможную помощь, которую только можно оказать хорошему человеку. Санитар остановился, взмахнул руками, как дирижер на репетиции оркестра. Сказал, что вернется через минуту, и пропал. Радченко присел на деревянную скамью, стал смотреть в одинокое окошко под потолком. Санитар появился только через полчаса.

– Такая история получилась, странная, – сказал он. – Труп Коли Степанова числился у нас под номером тридцать три дробь два. Так вот, откуда-то позвонили, видимо, большие начальники или еще кто. Короче, попросили, чтобы этого Степанова перевезли в другой морг.

– Почему, в чем дело?

Санитар был немного растерян. Он не мог решить, что делать с полученными деньгами. Человеку он не помог. Значит, нужно возвращать премиальные. Но этого делать не хотелось. Санитар подумал, что потратил полчаса личного времени. Ходил, выяснял, разбирался. Значит, заслужил свой бонус. Нет, он не вернет ни рубля, даже если адвокат того потребует. Придя к этому выводу, санитар заметно повеселел и заговорил быстрее.

– Ну, я сам сюда недавно устроился. Друзья помогли. Место хлебное, много желающих попасть в санитары. Но репутация у морга еще та… Говорят, что у жмуриков, которые скоропостижно скончались на улице, в метро или в такси и были доставлены сюда, пропадали вещи. Мобильные телефоны, деньги, кольца… А при вскрытии изо рта мертвяков санитары и врачи выламывают золотые коронки.

– Это правда?

– Слухи я оставляю без комментариев.

Санитар лукаво подмигнул собеседнику и добавил:

– Поэтому последнее время нам и достается так много бомжей и нищих бродяжек. Видно, друзья этого Коли волновались, чтобы чего не пропало. И золотые коронки оказались на месте. Вот и похлопотали, чтобы тело перевезли в другой морг.

– Коля Степанов – это семилетний мальчик, – Радченко почувствовал первые приступы мигрени. Боль начиналась в области затылка и сдавливала голову, словно железным обручем. – У него нет и быть не может ценных вещей. Он просто не мог, не успел их завести. Он всю жизнь прожил в детском доме. И золотых зубов во рту тоже нет и быть не может.

– Тогда не знаю, – санитар поскреб ногтями затылок. – В карточке регистрации было сказано, что во рту труппа – четыре коронки желтого металла. Я думал, что из-за этих вставных зубов весь сыр-бор. Кто-то звонил дежурному врачу. А потом приехала машина, труп забрали. Такая история…

– Можете выяснить, куда увезли тело?

Санитар вернулся через пару минут и назвал номер другого морга.

* * *

Николай Макарович появился в кабинете только через час. Джейн сидела на том же месте, разглядывая носки своих башмаков. Ботинки она нашла на табурете вместе с новой одеждой. Обувь поношенная, но сделана из толстой кожи, поэтому развалится еще нескоро. Кажется, такие же башмаки носила Королева Виктория.

Джейн подумала, что до безумия ей осталось рукой подать. Бессонница и голод свое дело сделали. До сих пор ей кажется, что руки, грудь и шея перепачканы человеческой кровью, горячей и густой, как масляная краска. Эту кровь нельзя смыть ни струей воды из-под крана, ни растворителем. Разве только что концентратом серной или азотной кислоты. Смыть кровь вместе с кожей.

Лихно сел за стол и сказал:

– Аносов – это не человек, а зверь. И вы получите тому доказательства. В случае отказа вы заставите меня сделать страшные вещи, которые я совсем не хочу делать. Я даже говорить об этом не хочу, потому что по натуре неисправимый либерал. Ну, подумайте о своем ребенке, об отце. Много ли ему осталось?

Джейн почувствовала, как в груди оборвалась какая-то ниточка. Оборвалась и ударила по сердцу. А сердце, словно бокал тонкого стекла, треснуло, а потом рассыпалось на мелкие осколки. Она подумала, что на свете существуют сотни, тысячи приемов изощренного давления на человека. Когда живое существо, ломают словно пластмассовую куклу. Из книг она знает некоторые приемы психологического воздействия на людей. Изощренного, крайне жестокого. Сейчас ее ломают, это мучение будет продолжаться, пока садисты не добьются своего. Как долго она еще выдержит такую пытку? Пару дней? Неделю? Один час? Она сделана не из железа, слеплена из мягкого теста…

Или ее уже сломали?

– Вы даете слово, что меня отпустят, как только я начерчу план того дома?

– Я даю слово офицера. Старшего офицера, что вас отпустят немедленно. Вы не проведете здесь ни одной лишней минуты. А мое слово дорогого стоит.

– Но чем вы докажете…

– Что вам не отрежут голову, а тело не зальют бетоном? – оборвал Николай Макарович. – Тут и доказывать ничего не надо. Как свидетель обвинения вы не опасны. Если захотите рассказать о своем приключении милиционерам, очнетесь в сумасшедшем доме или в тюрьме. Кто поверит в историю про вашу жизнь в подвале вместе с женщиной-кочегаром? Про чертежи дома, которые от вас якобы неизвестно кто требовал? Про Королеву Викторию…

Джейн помолчала минуту.

– Скажите своим… Ну, этим людям. Скажите им, чтобы принесли большие листы ватмана, – пробормотала она скороговоркой. – Штук десять-пятнадцать. Набор фломастеров. Простые карандаши. И чертежные инструменты, доску на подставке.

– Ну, наконец-то. Есть хороший компьютер со специальной программой…

– Я работаю по старинке. Большие чертежи удобнее делать на бумаге.

– Скоро вы все получите, – отчеканил Николай Макарович.

На его физиономии появилась гримаса, отдаленно напоминающая улыбку.

Когда Джейн привели обратно, в комнате было прибрано. Исчезло пальто, изъеденное молью, грязные обноски, что Королева Виктория надевала на работу. Бетонный пол тщательно отскоблили, бурых пятен запекшейся крови не видно. Не осталось никаких следов пребывания здесь безумной женщины. Только голая железная койка и цветная фотография журнальной красавицы, прилепленная к стене хлебным мякишем. На топчане Джейн лежал новый матрас,

теплое одеяло и комплект свежего постельного белья. Пахло стиральным порошком и хлоркой. Для полного счастья не хватало вазы с весенними цветами и томика лирических стихов.

Вместо цветов на столе пять банок тушенки, рыбные консервы, круг копченой колбасы и краюха свежего хлеба. Джейн застелила постель, подумала, что надо бы помыться в корыте и хоть немного поесть. Но сил хватило лишь на то, чтобы лечь и провалиться в космическую пустоту сна.

* * *

– Степанов Николай? – переспросила хрупкая миловидная женщина и перевернула страницу регистрационного журнала.

Она поднялась из-за стола и поправила лацканы белого халата.

– Николай, – как эхо отозвался Радченко.

– Идите за мной, – женщина, цокая каблуками, быстро зашагала по коридору. – Между нами, по поводу этого Николая звонили уже несколько раз. И не только ваш знакомый профессор. Кстати, у него я училась. Правильно сказать, моя учеба продолжается. Осталось полгода интернатуры – и я дипломированный специалист.

– Кто же еще звонил?

– Один чиновник из комитета здравоохранения при мэрии Москвы. Он посоветовал поскорее провести вскрытие и кремировать тело. Ну, по его данным покойный был болен опасной вирусной болезнью. Позже звонили из милиции, спрашивали, когда будет кремировано тело. И почему мы так долго тянем. Я ответила, что вскрытия еще не проводили. Они ответили, что нет никакой нужды это вскрытие делать…

– И что вы?

– У меня ночное дежурство, – ответила врач. – Я сказала, что закончу вскрытие приблизительно в три часа утра.

– Вы не спросили: к чему такая спешка?

– Я всего лишь врач-интерн. И мне вопросы задавать не полагается.

Радченко шагал по коридору и думал о том, что успел повидать в этой жизни немало разных видов. Пожалуй, на свете не осталось вещей, которыми можно поразить его воображение. Как выяснилось, удивляться есть чему. В этот морг на далекой городской окраине он добирался на машине более часа. За это время Дима дважды успел переговорить по телефону с известным профессором медицины. А тот связался с дежурным врачом морга и уладил все формальности. Если бы Радченко отложил визит до утра, то не увидел даже горки пепла, что осталась бы от Коли Степанова.

– На трупе есть синяки, гематомы?

– Синяков хватает. Ему сильно досталось перед смертью. Все лицо разбито.

– Есть ножевые раны? Следы удушения?

– Этого нет, – покачала головой врач. – Я осмотрела пострадавшего. Ножевых или пулевых ранений не наблюдается. Несмотря на все эти синяки и ссадины, я думаю, что смерть ненасильственная.

Врач распахнула дверь ярко освещенного зала, летящей походкой прошла мимо пустых секционных столов к дальнему угловому столу. Сдернула простыню с тела. Радченко шагнул вперед, остановился и замер. Перед ним на гладкой мраморной поверхности стола лежал крупный мужчина лет пятидесяти. Физиономия распухла от побоев, на губах запеклась бардовая корка. Седые волосы на груди стояли дыбом словно от холода. К большому пальцу правой ноги привязана клеенчатая бирка. На ней химическим карандашом написали: «Николай Петрович Степанов. Предположительно – бродяга».

Глава 7

Девяткин вышел из последнего вагона электрички. Перрон пуст. Справа, припорошенная снегом, будка с крошечным окошечком, там продают билеты на пригородные поезда. За платформой глубокий овраг и посадки сосен в три ряда. За ними снежное поле, граница которого сливается с серым небом. По другую сторону насыпи уходит вдаль кирпичная стена, за ней – территория цементного завода.

Девяткин подумал, что экстрасенс Антонина Белова живет слишком далеко от Москвы, да и место здесь не самое живописное. Он поставил на землю тощий портфель, вытащил из кармана кусок бумаги, на котором был нарисован план местности. Если двинуть напрямик, через лесопосадки, путь сократиться вдвое. Нужно перейти овраг, а дальше дорога через поле…

По настилу из обледеневших досок, он съехал с платформы вниз как на коньках. Поднял воротник плаща, надвинул на лоб кепку. Через поле вела кочковатая грунтовка. Ветер дул в лицо, колкие снежинки летели за ворот плаща. Миновав сосновые посадки, в низине он увидел новые ряды деревьев. И тут, сломав подметками корку льда, провалился в глубокую лужу, зачерпнул ботинками воды. Девяткин чертыхнулся, постоял минуту, дико озираясь по сторонам, но не увидел ничего кроме снежной крупы, летевшей с неба.

Огибая лужи, он зашагал вдоль обочины дальше, размышляя о том, что внутренне не готов к сюрпризам природы. Конец апреля. Еще вчера светило солнце, пахло растаявшими помойками, ветер гонял по асфальту бумажный мусор. А в душе шевелились странные чувства, не имеющее определенного названия. Хотелось позвонить знакомой женщине, брюнетке с потрясающей походкой. Назначить свидание у памятника Пушкину и явиться на встречу с охапкой свежих тюльпанов.

Но весну съел налетевший из Арктики циклон. Потрясающей брюнетке он не позвонил, потому что в составе оперативной бригады был вызван в район Строгино. На берегу Москвы-реки на задах спасательной станции нашли расчлененный обезглавленный труп мужчины. Точнее, фрагменты тела, упакованные в пакеты и сложенные в огромный мешок. Пришлось заняться бумажной работой, исписать несколько страниц протокола. А потом накоротке переговорить с судебным экспертом, мрачным парнем, насквозь провонявшим формалином.

Эксперт сказал, что убийство, видимо, произошло недели три назад, где-то на квартире. Тело расфасовали по пакетам, сложили в мешок. Труп распиливали ножовкой, а не рубили топором. Значит, убийца человек опытный и осторожный. Он боялся потревожить соседей.

«Ищите голову, – посоветовал эксперт. – Без нее личность погибшего не установим». «Поищем», – неуверенно пообещал Девяткин. И подумал, что убойный отдел получил еще одно безнадежное дело, которое никогда не будет раскрыто.

* * *

Через полчаса он, помахивая портфелем, вышел на асфальтовую дорогу. Наверняка, сегодня можно воспользоваться служебным положением и задать экстрасенсу Антонине Беловой пару личных вопросов. Есть у Девяткина надежда, что на стороне у него растет сын. Парню уже шестой год. Но вот его мать, особа с несносным характером, не идет на контакт с бывшим любовником. Она не отвечает на телефонные звонки, отказывается встретиться и поговорить. Отсылает обратно подарки, что Девяткин отправлял на праздники. По датам, срокам и обстоятельствам все совпадает, да и мальчишка похож на Юрия Ивановича как две капли воды, но… Девяткин прибавил шагу.

Он прошел вдоль улицы, застроенной вросшими в землю деревянными домами. Где-то вдали, в туманной дымке виднелись старые кирпичные стены текстильной фабрики. Труба котельной пускала в небо клубы ядовито-желтого дыма. Навстречу попалась старуха, закутанная в платок, из которого торчал синий нос, похожий на кукиш. Бабка что-то прошамкала беззубым ртом и двинула дальше. Девяткин молча кивнул в ответ, остановился на середине моста и минуту смотрел на серый поток воды, бегущий внизу. Речка не слишком глубокая, видно дно, покрытое камнями.

Теперешний сожитель Беловой, – водитель грузовика некто Борис Панкратов, сумасбродный верзила, несдержанный на руку. Выпивая, он страдает припадками буйной ревности. Тогда достается не только Беловой, но и посторонним людям. С этого вот моста Панкратов сбросил трех мужчин, случайных прохожих. У двоих травмы средней тяжести, переломы рук и ног, третий пострадавший остался без передних зубов.

Несколько лет назад Боря получил за хулиганство два года с отсрочкой исполнения наказания. На этот раз от тюрьмы его спасли московские милиционеры. Белова ползала на коленях перед начальством, обещала все отработать, просила не доводить дело до суда, выпустить сожителя из областного изолятора временного содержания. Панкаратова лечили от алкоголизма. Теперь он сделался немного тише и решил узаконить отношения с сожительницей.

Девяткин толкнул калитку и, поднявшись на крыльцо, постучал в дверь портфелем. Послышались шаги, тихие ругательства. Наконец упала цепочка, щелкнул замок, дверь чуть приоткрылась.

– Кого еще черти принесли? – спросил из темноты хриплый голос. Мужчина, не дожидаясь ответа, выдал порцию отборной брани. Закашлялся и добавил. – Я как раз хотел ружье зарядить. Хотел проверить, не сырой ли порох. И тут ты нарисовался… Вовремя.

– На себе проверь, олух, – Девяткин с силой пнул ногой дверь и вошел в полутемную прихожую. – Я из милиции. Тебя Тоня не предупреждала?

– Прошу прощения, гражданин начальник, – Боря изобразил что-то вроде полупоклона и принял из рук гостя мокрый плащ. – Из головы вон. Не разглядел спросонья, что начальство пожаловало. Завтра мне в рейс. Отсыпаюсь. Да, такие дела, шоферские…

Девяткин снял кепку и посмотрел на отражение в тусклом зеркале. Панкратов стоял навытяжку, по-солдатски выпятив богатырскую грудь.

– Вы по делу пожаловали? Или как?

– Ты вот что, Боря… Отставь свои умные вопросы. Исчезни из дома часа на полтора. У нас с твоей подругой разговор серьезный. А ты прогуляйся, воздухом подыши. Погода как раз того… Шепчет. И способствует.

Боря исчез в темноте коридора, а из кухни вышла женщина лет сорока, одетая в пестрое ситцевое платье в цветочек и жилетку, сшитую из кроличьих шкурок. Светлые волосы зачесаны на затылок, лицо можно назвать приятным, даже красивым. Если бы не печать усталости и ускользающий взгляд светлых глаз. Равнодушных и пустых глаз, будто жизнь вытекла из них вместе со слезами.

– Вы Юрий Иванович? – спросила женщина.

– Он самый, – покашлял в кулак Девяткин.

– Вон в комнату проходите. Сейчас я горячего чая принесу. С клубничным вареньем. Любите?

Гость хотел из деликатности отказаться, но передумал.

* * *

Девяткин выложил из портфеля пластиковый альбом, где рядом с фотографиями Джейн воткнули снимки ее отца, крупного предприниматели из Чикаго, шестилетней дочки Кри-

стины. На край стола легла тонкая папка, хранившая несколько страниц печатного текста: подробное описание похищения Майси. Весь тот несчастливый день, расписанный по минутам. Сверху еще три страницы, сколотые скрепкой: краткая биография американки, справка из московского представительства компании «Хьюз и Голдсмит» о работе, которой она занималась в России.

Хозяйка сидела за столом напротив Девяткина и молча наблюдала за гостем, отметив, что милиционер чем-то раздражен. Он думает, что напрасно потерял время, притащившись сюда, а со временем и у него туго. Юрий Иванович хочет справиться с эмоциями, но почему-то не получается. Он неловко чувствует себя в этой комнате, оклеенной светлыми обоями, где из мебели только круглый стол, сервант и несколько стульев. Он часто поглядывает на старинные фотографии в самодельных рамочках, развешанные по стенам. И постукивает пальцами по столу.

– Наверное, вы по-другому меня представляли? – Антонина придвинула ближе бумаги.

– В каком смысле?

– Ну, такая баба в старинном салопе. Спутанные волосы. Выглядит лет на сто. Или чуть постарше. Не верит в электричество, бормочет заклинания и питается сушеными пауками.

– Я читал ваше личное дело. И фотографию вашу видел. Знал, что в доме привлекательная женщина. Не случайно же вокруг вас вечно мужчины вьются, как мухи. Просто сама идея, ну, обратиться за помощью к ясновидящей… Она представляется сомнительной. Я атеист, хотя это и не современно. И еще, простите за прямоту, не слишком верю во всякую чертовщину вроде экстрасенсов. Но если есть хоть один шанс из тысячи с вашей помощью найти Джейн Майси… Тогда я готов изменить свои взгляды на жизнь.

– Эта Джейн ваша добрая знакомая? – хозяйка прищурилась. Казалось, она смотрела на Девяткина насмешливо. – Старая подруга, да?

– Разве вы не умеете читать чужие мысли? – удивился Девяткин. – Странно. Я почему-то думал, что это для вас – что семечки щелкать.

– Зачем читать чужие мысли, если можно просто спросить?

– Джейн мне не подруга, – Девяткин покашлял в кулак. – Мы познакомились около года назад. Тогда она была в Москве в краткосрочной командировке. Занималась аудитом большой коммерческой фирмы. Уехала по делам в Таджикистан и там пропала. Ни звонков, ни писем. Ее американское начальство серьезно забеспокоилось… Но Джейн нашлась. Ей помог выбраться из переделки один юрист. Ну, это длинная история. Она хороший человек и собой недурна. Но у Джейн есть большой изъян: притягивает к себе неприятности, как магнит железо. В тот раз я посоветовал ей больше не возвращаться в Россию. Она не послушалась.

– А по вашей линии хоть что-то есть? Свидетели, улики?

– Прочти ничего. Кроме трех граждан. Они видели непосредственно момент похищения. С их помощью мы составили портрет предполагаемых преступников. Это лучше, чем ничего. Но далеко мои изыскания не продвинулись.

– Что-то еще?

– Ну, Майси прожила в Москве более месяца. Угроз в ее адрес не поступало. Иначе она рассказала бы об этом начальству. Или обратилась в милицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.